

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 MAI 1938

LES COSAQUES LIBRES

XIe Année

25 МАЯ 1938 г.

242

25 ТРАВНЯ 1938 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

РІК ВІДАННЯ XI-й.

Содержание:

1. В большом свете — большие события.
2. Трагедия Казачества.
3. **Николай Посохов:** Мы цели достигнем заветной своей.
4. **Ген. И. Коноводов:** Залежавшийся товар.
5. **Ив. Коваленко (Скубани):** Стихи Н. Туроверова.
6. Иностранцы о русской эмиграции и аресте Походного Атамана.
7. Кто такой Вонсяцкий?
8. **Полк. Шевырев:** Ответ полк. Попову.
9. **Н. Лапкин:** Ответ Балинову.
10. Думы и мысли.
11. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Седан. К. Ц. Получено. Журнал высылается. Привет.
Виши. С. Ч. Исполнено. Привет.
Мальмо. А. Т. Письмо Ваше со статьей о Д. не получено. За вложенное в последнее письмо — спасибо. Привет.
Бельгия. И. Б. Получено, спасибо. Привет.
Бонсоль. П. Е. Получено. Привет.
Бельфор. И. Ф. Спасибо. Привет.
Ланье. Ф. К. Получены. Спасибо. Привет.
Джигиту И. С. Ш. Спасибо. Привет.
Бельфор. Ф. Ж. Получено. Спасибо. Привет.

Сулин. А. Б. Все получено. Привет.
Бельгия. Н. К. Б. Большое спасибо. Привет.

РОЗЫСК.

Розыскиваю брата своего, казака ст. Чамлыкской, Константина Александровича **Самысько**, проживавшего, по слухам, во Франции, в районе Марселя. Откликнуться по адресу: Демен Яковлевич Самысько, Драпезунда каф. Павло Григориади, Пирей, Grèce.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются

ПЕРЕЖДИТЕ

Я попал в трудное положение. В 239 номере «ВК» я обещал сказать всю правду о том, что было в Белграде и как было. Много вольных казаков ждет с нетерпением теперь обещанного мною рассказа (и не только, конечно, из любопытства), есть даже такие, кто меня в этом торопит. Но, одновременно, из Белграда те, над кем еще висит там угроза повторения репрессий, просят меня не спешить... С такими просьбами я не могу не считаться. Потому только и откладываю я подробное описание «второго Кубанского действия»...

Пока скажу только следующее:

1. Всего арестовано было 12 человек: 4-го февраля: ген. **П. И. Кокунько**, **П. И. Курганский**, **Л. Зверев**, **П. М. Мерзликин**, **Н. Ф. Букин**, **Н. М. Дмитренко**, **А. П. Чорный**, **Андрей Мороз** (кубанец, а не Алексей Морозов, как ошибочно было напечатано в № 239) и **И. А. Билый**. 12-го февраля были еще арестованы: полк. **П. Недбаевский**, **М. Мерзликин** и **Павел Поляков**. Просидели: ген. Кокунько — несколько часов, П. Поляков — 3 дня, П. Недбаевский и М. Мерзликин — по 6 дней, П. Курганский — 10 дней, Л. Зверев, П. Мерзликин и Н. Дмитренко — по 15 дней, А. Чорный — 21 день, Н. Букин — 22 дня и И. Билый — 40 дней.

2. Белградскими арестами «решались» два дела: дело ВК и судьба Походного Атамана и вопрос о судьбе кубанских регалий. Этот второй вопрос имел некоторое касательство к первому, но весьма слабое. В «разрешении» обоих дел было весьма заинтересовано так называемое «Кубанское представительство».

3. Никому из арестованных не было предъявлено никакого конкретного обвинения.

4. Среди разного рода «обвинительного материала» против Пох. Атамана на первом месте фигурируют анонимные (т. е. никем не подписанные) листовки и прокламации, особенно усердно распространяемые в последнее время. (Как теперь уже установлено, сочиняют, распространяют и пользуются ими в таких случаях, как «случай» белградский, — господа: **С. А. Федоров**, **М. К. Соламахин** и **П. Н. Кудинов**). В этих листов-

ках и прокламациях против П. Атамана выдвигаются всевозможные «обвинения», среди которых на первом месте стоит обвинение «в сношениях с большевиками»... (Все остальное взято из «литературы» г. г. «оппозиционеров»).

В чем тут дело, в чем суть таких обвинений, какова «задняя мысль» неизвестных их авторов, словом — **зачем все это делается?**

А делается это вот зачем. Большевикам надо знать, имеет ли ВК серьезные связи с Родными Краями и есть ли там казачьи самостоятельные организации. Через третьи и четвертые руки они и подсовывают против главного действующего лица ВК движения разного рода выдумки и «обвинения» — в надежде, что по ответам, каковы бы они ни были, можно будет кое что узнать...

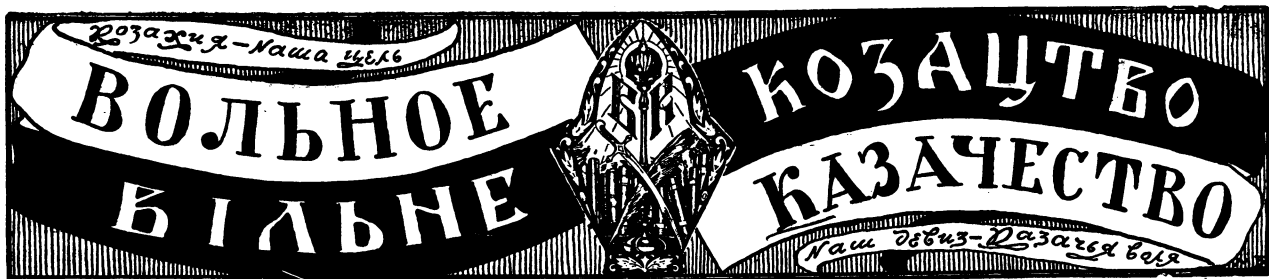
Знают ли «исполнители» большевицких замыслов, что они делают своими прокламациями и листовками и кому в действительности они служат? — Думаю, что не все. Во всяком случае, русским «красным» помогают некоторые русские «белые» и некоторые же «русские казаки». Говорил же когда то Деникин, что «лучше большевики, чем самостоятники»... В этом вопросе у Деникина последователей гораздо больше, чем было их в его деле борьбы с красными.

5. Я знаю, что **казачьим патриотам стало в Югославии сейчас особенно тяжело**. И вся вина их в том, что они — **казаки**, что, оставаясь строго лояльными по отношению к стране, их приютившей, они не отказываются от Земли и Страны своей Казачьей. Но, будем верить, что и эти трудности для казачьих националистов в Ю. — явление проходящее...

Братья казаки, **сцепите зубы и переждите**... Я глубоко уверен в том, что ждать придется вам не так уж долго, ибо скоро наша Родина Казачья позовет всех нас на борьбу за ее освобождение. Тогда все встретится по дороге домой — **в борьбе за наш свободный Казачий Дом — Казакую**.

Слава Казачеству!

Походный Атаман ВК **И. Билый**.

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 242.

Среда 25 мая 1938. — Среда 25 травня 1938.

№ 242.

В БОЛЬШОМ СВЕТЕ — БОЛЬШИЕ СОБЫТИЯ

В день, когда пишутся эти строки, парижские газеты полны тревожных крупных заголовков: «Сильная кампания немецкой прессы против Франции»... Итальянская пресса ставит вопрос: «Отвергнет или примет Франция возобновление контроля на пиренейской границе?» — и отвечает: «Все будет зависеть от этого: не-интервенция, добровольцы и переговоры»... «Судетские немцы получают полную автономию, или»... «В Берлине не опровергают передвижения войск, но заявляют, что дело идет о маневрах»... «В Чехословакии царит большая тревога»... «Чехословакия мобилизовала два возраста»... «Сильная атака немецкой прессы»... «События в Чехословакии нервнируют Лондон»... «Париж — в постоянном контакте с Лондоном»... «На франко-итальянской границе в Африке: переброска к Тунису 2-х итальянских дивизий»... Французская эскадра пришла в Бизерту»... И т. д., и т. д.

А рядом: «Несмотря на призыв Даладье к спокойствию, пессимистические «новости» продолжают распространяться. Откуда идут они? Кто распускает их?»...

Недавно один из английских «демократов», пользующийся большими симпатиями «Последних Новостей», плакался: «Политический горизонт мрачен, английские вооружения еще не закончены, ковенант (статут Лиги Наций. Ред.) нарушается повсюду и повсюду торжествует агрессор»... Тем не менее, г. «демократ» уверен, что «если мы (т. е. «они») будем действовать мудро и решительно, мы можем еще наверстать все потерянное. Мы можем восстановить Лигу Наций на прочных и мощных основах, мы можем еще дать ковенанту необходимый ему авторитет»...

Политический горизонт в Европе действительно тревожен, но причины этой тревоги лежат, по нашему, не там, где их видит англий-

ский приятель «П. Н.». Не там и средства устранения тревоги.

Европа сейчас нервничает и лучшим показателем температуры европейской лихорадки служат «неожиданные» паники на биржах...

Повторяем: политический горизонт в большом европейском свете тревожен. Ведь, если оглянемся только на последние два-два с половиной месяца, увидим, что в Европе уже могла бы быть большая война, если бы: 1. Франция или некоторые государства Малой Антанты объявили мобилизацию в марте во время «аншлюсса». 2. Если бы в марте же Литва не приняла польского ультиматума или «зашевелились» бы по поводу польских действий Советы...

По крайней мере европейско-азиатская война была бы уже в полном разгаре, если бы Сов. Россия открыто выступила на стороне Китая или Япония бы признала, что время столкновения ее с Советами наступило...

До сих пор все — даже большие — инциденты в большом свете удавалось потушить или по крайней мере притушить без войны. Будет ли продолжаться так и дальше? Или какой-либо следующий «случай» послужит вторым «Сараево» и конфликта потушить не удастся?

Во всяком случае, возможности военных конфликтов в Европе, кроме Дальневосточного, таятся сегодня в испанских событиях и споре чешско-немецком...

Что же делается в большом свете? Каковы общие тенденции совершающегося в европейской международной обстановке?

Ровно месяц тому назад пражская газета «Народни Политика» (22-го апреля) писала: «Если бы не было постоянного увеличения вооружений не только в Европе, но и в Америке и Азии, события последних недель свидетельствовали бы скорее о сохранении мира. Но не только уже объявленное увеличение численного состава советской армии, не только огромные

вооружения Америки, а прежде всего заказы Англии в Америке подтверждают, что надежды на сохранение мира не имеют опоры в действительности»...

Впрочем, начнем по-порядку и просмотрим бегло большие европейские события за последние два месяца. Само собою разумеется, что события эти будут интресовать нас постольку, поскольку они так или иначе касаются нашего врага, а тем самым, очевидно, и нашего дела.

— « — —

— В середине апреля Англия и Италия заключили известное уже нашим читателям соглашение. Плохо-ли, хорошо-ли, две великие европейские державы, враждовавшие несколько лет, кое как договорились...

Как реагировала на это Москва?

Московская «Правда» немедленно отозвалась горячей критикой англо-итальянского соглашения и осуждением английского премьера Чемберлена за то, что «он намеренно ведет политику, направленную против СССР».

Рижский корреспондент одной парижской газеты («Пари-Миди») с своей стороны подтвердил (в номере от 20 апреля), что «заключенные англо-итальянского соглашения и подготовка переговоров между Римом и Парижем вызвали в политических кругах Москвы сильное возбуждение, т. к. там считают, не без некоторого беспокойства, что активность сторонников изоляции СССР становится все энергичнее»...

Пражская «Народни Политика» (20-го апреля) ставит вопрос: какова задняя мысль переговоров Англии и Франции с Италией? и отвечает, что после подписания англо-итальянского пакта франко-итальянские переговоры имеют целью заключение пакта четырех или пяти с явным намерением устранения из Европы Советского Союза.

Франко-итальянские переговоры прерваны, вопрос о пакте четырех или пяти пока еще не ставился, но вытеснение Советов из Европы продолжается...

— В конце апреля состоялась поездка французских министров в Англию. Заключено англо-французское соглашение... Получается впечатление, будто Европа делится на два лагеря. Но в самой Франции, связанной пактом с Москвой, целесообразность этого самого пакта сейчас сильно оспаривается и высказываются против него даже те, кто еще вчера был его большим защитником (напр., см. номер парижской газеты «Эвр» от 18 мая)...

— Большим событием в большом свете была поездка германского фюрера в Италию.

Москва была явно недовольна укреплением итало-германской дружбы. Что касается прессы стран лагеря демократического, на первый взгляд могло показаться, что она, пресса, не хочет понимать или явно преуменьшала значение и результаты поездки Гитлера. Продолжалось это до генуэзской речи Муссолини, поставившего некоторые точки над *i*. Над этой речью следует остановиться подробнее. Вот ее краткое содержание:

«11-го марта, — сказал Муссолини, — Италия находилась на поворотном пункте истории.

От ее решения зависела судьба Европы. Был произведен дипломатический ход, гораздо более настойчивый, чем многие другие. Но, на сделанное нам предложение мы ответили отказом.

«Враги Италии, антифашисты всех категорий, были глубоко разочарованы, ибо они желали, чтобы между двумя тоталитарными государствами возник конфликт, ведущий к войне и открывающий двери большевизму в Европу.

«Нам еще и теперь с наивной грустью напоминают, что в 1934 году мы действовали не так. Но, ведь, с тех пор много воды утекло под мостами Тибра, Дуная, Шпрее, Темзы и Сены... За это время к Италии были применены санкции — этого мы еще не забыли...

«Италия не может себе позволить мобилизоваться каждые четыре года для того, чтобы препятствовать неизбежному ходу национальной революции. Мы не можем взять на себя бесполезную задачу старой Австрии Габсбургов и Меттерниха: препятствовать стремлению народов к их национальному единству.

«Мы действовали не из страха, которого у нас не было, нет и не будет. Мы действовали по чувству долга, чести и лояльной дружбы по отношению к Германии. Теперь германский и римский миры находятся в непосредственном контакте. Дружба их прочна. Она сказалась и в приеме, оказанном нами Гитлеру. Мы остаемся верны оси Рим-Берлин.

«Верность этой оси не помешала нам вести политику соглашений с теми, кто искренно соглашения желал. Так, в марте прошлого года мы заключили соглашение с Югославией и с тех пор на берегах Адриатического моря воцарился мир.

«Недавно мы заключили соглашение с Англией. В нашей вражде было много непонимания и неосведомленности... Наше теперешнее соглашение идет от Средиземного моря к Красному морю и к Индийскому океану. Оно будет прочным и оно имеет большое историческое значение...

«Что касается Франции, то вы позволите мне быть осмотрительным — наши переговоры с ней еще продолжаются, но я не знаю, приведут ли они к соглашению, т. к. в одном весьма большом вопросе — в вопросе об Испании — мы находимся по разные стороны баррикады: Франция хочет победы Барселоны, а мы хотим победы Франко...

«То, что Италией уже сделано, представляет собою лишь этап. На нашем историческом пути мы остановиться не можем. Кто останавливается, тот погиб...

«Мы хотим мира со всеми. Могу вам сказать, что не менее, чем мы, стремится к миру и Германия. Но, чтобы быть прочным, мир должен быть вооруженным...

«Мы хотим мира, но мы должны быть готовы к его защите, когда наблюдается дождь речей, идущих даже из-за океана — мы должны над такими речами задуматься...

«Исключена ли возможность, что так называемые великие демократии готовятся к идеологической войне? — Пусть же все знают, что в

этом случае тоталитарные государства немедленно образуют блок и пойдут до конца»...

— Речь Муссолини произвела весьма сильное впечатление и вызвала кое-где тревогу. Комментарии прессы были разнообразны и продолжительны.

В Берлине, как и следовало ожидать, речь Муссолини вызвала живейшее удовлетворение. Слова его о неизбежности «оси» подхвачены печатью с восторгом. «Берлинер Тагеблат» считает эту речь «ударом молота по внешней политике Франции»...

В лондонских политических кругах речь Муссолини оценивали, как официальное подтверждение идеологического согласия Италии с Германией и технического соглашения с Англией. С удовлетворением отмечали слова Дуче о том, что англо-итальянское соглашение будет строго соблюдаться, намек же на трудности франко-итальянских переговоров считался тактическим маневром...

«Москва или Рим? — этот вопрос Муссолини задает Франции», — так резюмирует смысл генуэзской речи английская газета «Дейли Мейль».

Во Франции речь Муссолини вызвала тревогу (тем более, что одновременно с ней фактически были прерваны начавшиеся было франко-итальянские переговоры). Комментарии Французской прессы наиболее богаты и — нервны...

«Дуче, если внимательно вдуматься в генуэзскую речь, связал себя с фюрером теснее, чем это можно было предполагать», — пишет «Тан». «Что заставило Муссолини занять такую позицию?» — спрашивает газета и так отвечает устами своего римского корреспондента: «Вера в мощь Германии и прочность идеологической связи между Римом и Берлином. Глубокое убеждение, что с демократическими державами невозможно никакое прочное и длительное соглашение. Тот факт, что итало-британское соглашение не вошло еще в силу, а ось Рим-Берлин является уже реальностью. Разногласия с Францией в испанском вопросе... В том же направлении действовали нападки французской печати на политику Италии в момент Аншлюсса и во время визита Гитлера. Отсутствие французского посла в Риме, выступление военного министра Соед. Штатов и т. д.».

(Военный министр С. Ш. «счел за благо предупредить» Муссолини и Гитлера, что, «если возникнет война, демократии, обладающие большей экономической мощью, могут ее выиграть»...).

—«—

Как мы уже сказали первым и непосредственным последствием речи Муссолини был перерыв в итало-французских переговорах и значительное охлаждение в отношениях двух «латинских сестер».

«Резкость, с которой Муссолини в своей генуэзской речи обрушился на Францию, после того, как франко-итальянские переговоры, казалось, наладились, произвела на всех одинаковое впечатление: Муссолини на что-то определенно рассердился. Но на что именно?» — спрашивают «П. Н.». — Парижская газета «Фигаро» ду-

мает, что тут «играет роль усиленный транзит через Францию для «красной» Испании». Еще более определенно высказывается «Журналь», по словам которого «Муссолини разгневался вследствие приведения в действие втихомолку, без огласки, декрета, изданного еще правительством Блюма и разрешающего транзит для республиканской Испании через все французские порты и французскую территорию»...

Итальянская газета «Корьере Падано» утверждает, что «в то самое время, когда Блондель (французский поверенный в делах в Риме, заменяющий там Фр. посла) вел беседы с гр. Чиано, в Риме были получены сведения о вмешательстве французского генерального штаба для спасения испанских республиканцев»...

«Франция за Испанию для испанцев или за Испанию для русских?», — спрашивает газета «Джорнале д-Италия». Франция должна отказаться или от Барселоны или от договора с Италией, — заявляют другие итальянские газеты. «Газетта дель Пополо» так уговаривает Францию: «Для ее блага, для нашего, для блага мира и всей Европы необходимо, чтобы Франция, наконец, откровенно и лояльно вышла из своего двусмысленного положения, заняла свое место и приняла на себя принадлежащую ей ответственность. Очевидно, что с Францией, которая лояльно выберет в Испании и повсюду защиту порядка и европейской цивилизации, договоры и дружбы будут желательны и их легко будет заключить»...

Римский корреспондент самой большой английской газеты «Таймс» говорит о серьезности международного положения, создавшегося в связи с перерывом франко-итальянских переговоров... Италия возмущена, по его мнению, происходящим «усиленным притоком военного снабжения, проникающего в Испанию через пиренейскую границу — заведомо для французских властей и при их соучастии. Все римские газеты воспроизводят из французских газет статьи, описывающие проход транспортов с оружием из Франции в Испанию. И в Риме господствует взгляд, что при столь явном нарушении Францией принципа невмешательства возобновление переговоров невозможно»...

Римский корреспондент другой английской газеты «Дэйли Экспресс» сообщает, что «гр. Чиано заявил лорду Перту (английскому послу в Риме), что, если Франция не прекратит доставки оружия и людей через свою пиренейскую границу на помощь Барселоне, то дружественного договора между ней и Италией быть не может»...

Французская пресса, как и следовало того ожидать, встретила речь Муссолини не особенно дружелюбно. Некоторые газеты увидели в ней намерение внести раздор между Францией и Англией. Полного согласия между Францией и Англией в испанском вопросе действительно нет...

Положение Франции трудное. Эта трудность осложняется по мнению парижской газеты «Эпок» поведением Советов. «Говорят, — пишет газета, — что советский полпред Суриц потребовал от французского правительства, чтобы оно разрешило транзит русского оружия, предназ-

наченного для Каталонии. Его заявление можно резюмировать так: если Франция отречется от красной Испании, СССР отречется от Франции и начнет немедленно искать сближения с Берлином. Таким образом, Франция может завтра очутиться перед следующей альтернативой: Следовать за Россией, отдаляясь от Англии, или не сдаваться на советские требования, рискуя тем, что Советы переменят фронт в сторону Германии»...

—«»—

Лига Наций теряет свое значение все больше и больше.

В день, когда Гитлер покидал Италию, в Женеве открылась 101-я сессия Совета Л. Н. Главнейшими вопросами ее повестки были: абиссинский, испанский и швейцарский. И суть вопросов и их решение читатели «ВК» знают, очевидно, из ежедневных газет. Подчеркнем здесь только, что по всем важнейшим вопросам английский и французский министры были «по разным сторонам баррикады» с министром советским. А наряду с неудачами тов. Литвинова потерпели неудачу и красная Испания, и негус.

После этого 101-го заседания Совета Л. Н. число недовольных или разочаровавшихся в Лиге Наций увеличилось и во Франции. Особенно похоронные мотивы по адресу неудачного женевского учреждения слышны были из правого французского лагеря.

«Аксъон Франсэз» не сомневается в том, что Лига умрет: «Мы не знаем, что может выйти из дымного котла женевской колдуньи. Она — как старуха из одной провансальской поговорки, которая никак не хотела помирать. Но старуха помрет — это написано в вечной книге»...

А вот что писала «Фигаро»: «Лига Наций сейчас не только бесполезная организация, но и вредная — и не в силу собственной своей деятельности, которой она и не проявляет больше, а под влиянием тяготеющих к ней сил... Л. Н. из центра международной политики превратилась в место, где самые ядовитые внутренние несогласия, «оппозиционеры» всех стран объединяют свои подпольные усилия, чтобы парализовать дипломатические действия»... Например, в приезде в Женеву негуса газета видит сложную интригу, за кулисами которой объединились английская оппозиция, Советы и испанские и французские коммунисты...

По поводу провала резолюции «красной Испании» парижский «Журналь» писал с удовлетворением: «Эта резолюция была формальным осуждением политики невмешательства и принятие ее вызвало бы в Европе самые серьезные потрясения. Вопрос стал бы о войне или мире. И, разумеется, лорд Галифакс и Бонне с величайшей энергией восстали против этого опасного предложения, которое получило полную поддержку со стороны Литвинова»...

Для более полного представления о степени печали по поводу падения престижа Лиги Наций (в которой еще так недавно успешно «верховодил» тов. Литвинов) в кругах ее и теперешних еще поклонников, приведем небольшую выдержку из статьи корреспондента «П. Н.» (из номера от 19-го мая):

«Нельзя сказать, — пишет г. Неманов, — чтобы истекшая сессия Совета вписала очень блестящую страницу в историю Лиги Наций и дала положительные результаты. Один член Лиги — Чили — вышел из ее состава, другой ушел на 90%, ибо что такое, в конце концов, интегральный нейтралитет Швейцарии, как не замаскированный выход из Лиги?.. Равнодушие, с которым все отнеслись к уходу Чили, показывает, что Лигой перестали интересоваться. На возвращение Швейцарии к полному нейтралитету Совет вынужден был согласиться, т. к. в случае отклонения ходатайства федерального правительства, последнее готовилось односторонним актом провозгласить этот нейтралитет»...

—«»—

Как читатель мог уже заметить, московские большевики все же постепенно из Европы вытесняются, СССР все больше и больше изолируется... Москва это, конечно, понимает и — сердится. О степени ее раздражения, с одной стороны, а с другой — о ее намерениях и желаниях можно узнать из статьи тов. Димитрова, напечатанной в «Правде» 3-го сего мая. Суть этой статьи, озаглавленной: «Условия победы международного пролетариата», такова (образчик хулиганства, лицемерия и лжи, а может быть и просто слепого непонимания того, что делается в мире):

«Агрессивная политика, ведущаяся фашистскими державами в согласии с реакционными кругами Франции и Англии, подготавливает новый мировой пожар. Для того, чтобы взнуздать фашистов, английскому, французскому и американскому правительствам (советует т. Димитров) достаточно было бы принять многократно повторенное советское предложение о совместных действиях государств, заинтересованных в сохранении мира. Достаточно было бы отказать фашистским пиратам в кредитах и в сырье и прервать с ними торговые отношения, одновременно обеспечить испанскому и китайскому народам возможность получения военных материалов, необходимых им для защиты независимости, чтобы приостановить наступление агрессоров против свободы и независимости этих народов и предотвратить подготовляющиеся ими посягательства на общий мир. Но, английские консерваторы и французские реакционеры действуют в прямо противоположном направлении. Они стараются направить фашистскую агрессию против великой социалистической страны, являющейся мощным оплотом свободы и мира»...

Дистанция между т. т. Димитровым и Литвиновым не такая уж большая, а может и совсем ее нет, и потому внешняя политика второго не расходится с рецептами первого. Но это и проваливает ее постепенно в Европе...

—«»—

В самые последние дни чрезвычайную остроту приобрел в Европе вопрос Чехословацкий, вернее — спор между правительством Чехословакии и немцами. Суть этого спора вкратце такова:

Немцы, населяющие Чехословакию, требуют широкой автономии, правительство же республики, не соглашаясь на такую автономию,

соглашается пойти на уступки, согласные с конституцией, в новом статуте меньшинств. Спор приобрел особенно горячий характер к моменту назначенных правительством на 22 мая выборов в местные самоуправления и из внутреннего конфликта сделался серьезным конфликтом международным, так как судетские немцы, естественно, нашли поддержку у Германии, а Чехословацкая республика оперлась на своих союзников — Францию и СССР.

Конфликт этот приобрел настолько острые формы, что 23-го мая не одна парижская газета призналась, что 22 мая могла разразиться европейская война...

Одним из существенных требований судетских немцев по адресу Чехословацкого правительства является требование разрыва союза с СССР. Сам же этот СССР устами своего «президента» Калинина заявил 11-го мая делегации иностранных рабочих, прибывших в Сов. Россию на Первомайские торжества, что «в случае необходимости, Сов. Россия полностью выполнит все обязательства, которые она приняла на себя перед Чехословакией и Францией»... Это значит, что СССР готов воевать за Чехословакию в случае ее столкновения с Германией.

16-го мая агентство Гавас сообщило, что «в чехословацких кругах Лондона усиленно подчеркивают, что ни в каком случае не может быть и речи об изменении чехословацкой внешней политики в смысле пожелания Генлейна (лидера судетских немцев): Прага не пойдет на разрыв своего пакта с СССР»...

Прибавим к этому еще недавнее сообщение «Возрождения», что, по слухам, во время последней сессии Совета Л. Н. Литвинов пытался выяснить у представителей Польши и Румынии, согласится ли эти государства пропустить советские войска через свою территорию в случае войны с Германией из-за Чехословакии? — Представители обоих государств ответили отрицательно и при том в самой категорической форме.

— «—

Если 22-го мая война не разразилась, главная заслуга в том принадлежит, пожалуй, посреднической роли Англии. Но сейчас положение таково, что события могут пойти и одним и другим путем, тем более, что чехословацкие выборы еще не кончились...

Во всяком случае, если на протяжении меньше чем трех месяцев в Европе три раза могла вспыхнуть война, то это значит, что мы стоим на пороге к ней...

— «—

Напоминаем всем казакам, что у нас есть своя задача, своя казачья цель, для достижения которой требуются все казачьи силы. Враг у нас только один — оккупанты наших Земель. И потому — ни в какие чужие споры и дела не вмешиваться!

Сейчас пришло время, когда каждый казачий патриот должен хорошо продумать, как он устроит свои личные дела и дела своей семьи и хозяйства, когда события позовут его на борьбу за освобождение Казачества...

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ У.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА IX.

Кубань под большевистской властью. Повстанческое движение на Кубани. Что говорят большевики о восстаниях. «Армия Возрождения России».

Кубанская Краевая Рада, включавшая в себя представителей всех слоев населения Кубани, в течение 1917-1919 г.г. самым решительным образом высказывалась против признания большевистской власти на Кубани. Даже во время тяжелого отступления Кубанской армии в марте 1920 г. к Туапсе, когда, могло казаться, борьба была проиграна, Рада снова высказалась за продолжение войны до тех пор, пока Кубанская Земля не будет освобождена от советской власти...

Когда нераспорядительность, бездарность, полное безволие или трусость одних, предательство и измена Кубани и всему Казачеству других, в апреле 1920 г. поставили Кубанскую армию на берегу Черного моря, у границ Грузии, в безвыходное положение — и тогда кубанцы не хотели сдаваться большевикам.

И хотя десятки тысяч казаков, измученных голодом, болезнями и бессмысленным долгим отступлением, все же были отданы в руки советской власти, не о прекращении борьбы против большевиков думали казаки в то время, когда на берегу Черного моря сдавали свое оружие красноармейцам 34-й советской дивизии...

Не менее, как 2/3 всего населения Кубани принимало активное участие в антибольшевистской войне, разгоревшейся в 1918-1919 г.г. Казачество принесло на

алтарь этой борьбы самое дорогое, что только имело на земле — жизни своих сыновей и свое трудом нажитое имущество.

Кубань не была побеждена на поле брани... Только одновременными усилиями красной и белой России, только обманом и предательством удалось врагам сбить казаков с дороги, удалось подорвать их моральные и физические силы, опутать их русскими сетями...

Большевики сами хорошо понимали, что их власть казакам — чуждая, что тот политический, социальный и хозяйственный строй, который они насаждали на Казачьих Землях, был нам неприемлем. И все же жестокие руководители советской власти путем насилия и террора принуждали казаков «приветствовать большевистскую власть», осуждать Раду, решительно отмежевываться от самостийнической политики...

Захватывая казачьи станицы, большевики арестовывали наиболее видных представителей казачества и заставляли их давать устные и письменные заявления, в которых казаки «раскаивались» в ошибках прошлого, «проявляли чувства радости» по случаю прихода «народной советской власти», обещали всеми силами ее поддерживать. Особенное внимание большевики обратили на членов Рады. Большевистская власть вылавли-

вала оставшихся на Кубани членов Рады и принуждала их выступать с нужными для большевиков публичными заявлениями...

Вот что сами большевики говорят о настроении Кубанцев после того, как Кубань была захвачена советскими войсками: «В первые дни прихода советских войск на Кубань казаки, под влиянием грязных наветов золотопогонников, ждали кровавой расправы за свои старые грехи и ошибки. Но мягкое, всепрощающее отношение советской власти не только удивило, но прямо ошеломило Кубанское казачество. Вместо дикого ужаса белогвардейских владык, вместо сотен и тысяч повешенных, изрубленных и разоренных — полное забвение, полное прощение вчерашних обид. Врангелевские агенты пробовали это отношение объяснить слабостью советской власти, но разгром денкинской армии был у всех в памяти и это истолкование потерпело крах. Казаки поняли что советская власть действительно не хочет крови, не мстит побежденным, а стремится к скорейшей организации и восстановлению хозяйственной жизни страны. И это настроение Кубанских казаков ярко выразилось во время первого областного с'езда трудящихся Кубанско-Черноморской области. Освобожденные от денкинского гнета, влитые в семью трудящихся всей России, они отреклись от своих старых руководителей — Филимоновых, Бычей и т. п., заклеяли позором презрения самостийную политику Кубанской Рады... Приняв красное знамя рабоче-крестьянской республики, они поклялись высоко нести его и свято беречь.

«Но уже через месяц оно значительно изменяется. Отсутствие дельных партийных и советских работников на местах не дало возможности хорошенько подготовить Кубань к хозяйственной политике советской власти. Проведение ряда мероприятий (хлебная разверстка, мобилизация людей, аннулирование добровольческих денежных знаков) было истолковано, как насаждение «коммунин и отбросило казачество вправо...» («Известия Всерос. Центр. Исп. Комитета», № 224).

Большевики прекрасно понимали, что «верноподданнические» декларации, публикуемые самими большевиками от имени Кубанцев, и постановления отдельных (окружных) и областного с'ездов, принимавшиеся под давлением тех же большевиков, не выражали настоящих чувств и желаний казаков, что в действительности они относятся враждебно к советской власти.

«Внутреннее положение Кубани характеризовалось прежде всего «нейтралитетом» Казачества. В положении «нейтрального», но только что вышедшего из рядов активных врагов Советской власти Казачество в целом встретило приход последней с осторожностью, граничащей с прямым недоверием, опасаясь расплаты за контр-революционное прошлое и мести иногородних», говорит один из большевистских исследователей прошлых событий на Кубани. «В свою очередь и Советская власть не могла сразу же положиться на Казачество и искала опоры в той части населения, которая во время гражданской войны была на ее стороне, т. е. среди немногочисленных рабочих в городах и иногороднего крестьянства в станицах, известная часть которых действительно была готова свести старые сче-ты с казаками.

«Взаимоотношения с Казачеством еще более усложнялись тем, что вновь организованные по области органы Советской власти — ревкомы, особенно станичные, состояли почти исключительно или из пришлых работников или из представителей иногороднего крестьянства. Все это побуждало Казачество, подогреваемое контр-революционными элементами, видеть в Советской власти — власть пришлую и иногороднюю.

«В результате — каждое мероприятие новой власти Казачеством принималось с осторожностью, иногда с недоверием, а основная масса советских работников, иногороднего крестьянства и частей Красной армии видела в Казачестве только разбитого врага, сочувствующего белому движению и готового при первой возможности подняться на борьбу с Советской властью. Несмотря на это, первоначальная политика Советской власти на Кубани летом 1920 года была необычайно осторожной и искренно рассчитанной на равноправное повлечение трудового казачества в советскую семью. Сдавшаяся Кубанская армия была распущена по домам. Советская власть объявила полное прощение контр-революционного прошлого рядовому казачеству и стара-

лась всячески оградить его от враждебных выпадов в станицах.

«В отношении важнейшего для области земельного вопроса первые месяцы пребывания Советской власти на Кубани совпали с декретом о переделах (30-IV-20 г.), воспреотившим полные переделы раннее девятилетнего срока, а также с рядом постановлений об охране земель крестьянского пользования от посягательств советских и коммунальных хозяйств, о запрещении отводить вновь образующимся из местного населения коллективам большее количество земли или лучшего качества, чем то, которое до этого времени находилось в их пользовании. Проведение этих декретов на Кубани в жизнь летом 1920 г. не поставило вопроса о коренном земельном переустройстве, оставив этим за основной массой казачьих хозяйств то количество земель, которое находилось в их фактическом пользовании до прихода Красной армии.

«Продовольственная и общая экономическая политика Советской власти в условиях Кубани имела смягченные формы, не создавала причин для коренных противоречий, а напротив, содействовала углублению «нейтрализации» Казачества, ликвидируя его страхи «перед насильственными порядками коммуны» (А. Голубев. Врангелевские десанты на Кубани. Август-сентябрь 1920 года. Государственное издательство. Отдел военной литературы. Москва-Ленинград. 1929, ст. 24-25).

Несмотря на применение всех этих «смягчающих форм», большевики понимали отлично, что только опираясь на сильные красноармейские части, Советская власть может держаться на Кубани. Поэтому в феврале-марте 1920 г. красная Москва заняла Кубань силами УШ-й, IX-й, X-й, Конной и частью XI-й Советских армий.

Население Кубани принуждено было исключительно за свой счет довольствоваться людьми и лошадьми этих оккупационных войск. Борьба не была еще закончена: на Туапсинском направлении отходила Кубанская армия, которая могла вновь появиться на Кубани...

Вздых облегчения пронесся по большевистским рядам после того, как в апреле в районе Сочи-Адлера в руки красных попала Кубанская армия. После этого советская «народная власть» более решительно и открыто принялась за внедрение на Кубани русских большевистских порядков.

Часть сдавшихся казаков, после основательной «чистки», была отпущена по домам, другая часть была «добровольно» направлена на пополнение советских полков и батарей, а часть была послана на «трудовую повинность».

Сотни офицеров и чиновников были отправлены в ссылку... Многих офицеров и рядовых казаков расстреляли в Екатеринодаре и в других городах.

Из России по железной дороге и на подводах хлынула на Кубань волна русских переселенцев, скоро заполнившая города и многие станицы. Советская власть всеми мерами поддерживала эту колонизацию Казачьих Земель русскими людьми.

Рядом с этим пришельцы с Севера принялись за массовый вывоз с Кубани зерновых продуктов, скота, жиров, птицы, яиц, молочных продуктов, табака и пр. Все это забиралось по «хлебной разверстке» или же за ничего не стоящие советские деньги — «пятаковские» бумажки, к тому же — по большевистским «твердым ценам». Одновременно большевики аннулировали «донские» и «добровольческие» денежные знаки...

Тучи русских чиновников разных наименований налетели на Кубань, стремясь в городах и станицах укрепить советскую власть.

Члены Кубанской Рады, сдавшиеся большевикам на побережье вместе с Кубанской армией, были доставлены в Екатеринодар и опущены с условием явки на проверку 3-4 раза в неделю. Потом членов Рады вновь собрали и повезли в Москву «для изучения советского строя». Всего в Москву было отправлено около 75 членов Рады. Там их поместили в один из советских домов. Сначала их не трогали. Но потом к ним явились коммунисты из «казачьего отдела» во главе с Дм. Полуяном и сделали «разнос», обвиняя членов Рады в том, что они «погубили Кубань».

Через некоторое время членам Рады предложили подписать «воззвание к населению». Члены Рады, в свою очередь, спросили большевиков, за кого советская власть считает членов Рады: если члены Рады —

представители народа, то пусть им разрешат уехать на Кубань. Большевики ответили, что попытка отделения Кубани от России является преступлением, что организация власти на Кубани из представителей казаков недопустима и т. д.

В конце концов, члены Рады отказались подписать предложенное им воззвание. В то время большевистская власть, напрягая все свои силы, воевала против Польши и поэтому старалась временно избегать широкого применения массового террора, играла на русском патриотизме...

Потом членов Рады-офицеров взяли на «повторительные курсы», на которых читали лекции русские военные специалисты; в числе лекторов был и ген. Морозов, бывший помощник члена Кубанского Правительства по военным делам, сыгравший такую печальную роль на Черноморском побережье в деле ликвидации Кубанской армии.

Тем временем советский пресс все сильнее и сильнее нажимал на Кубань: выкачивание продуктов питания все усиливалось, все было взято на учет, даже куры и гуси; красный террор гулял по степям и горам Кубани; советская власть все время выхватывала из среды населения те элементы, которые, по мнению большевиков, могли быть организаторами новой антибольшевистской борьбы, и арестованных отправляли куда-то на Север...

На реке Северной Двине большевики потопили сразу около 600 человек Кубанских казаков, вместе с баржей, на которой их перевозили...

Казаки уклонялись от большевистских мобилизаций, всякими способами старались препятствовать вывозу кубанского добра на Север. Казачество все же понимало, что мерами пассивного сопротивления оно не может избавиться от чужой власти.

Грабеж казачьего имущества и жестокие репрессии были причиной нового повстанческого движения на Кубани. Вольнолюбивый казак не смог примириться с насильем.

Казачий индивидуализм восставал против коммунизма...

Неумолимые обстоятельства борьбы принуждали казаков вновь браться за оружие.

Однако, и красный завоеватель не дремал. Он обматывал Казачий Край густою сетью шпионажа, он занимал города и станицы своими гарнизонами, сосредоточив войсковые кулаки в наиболее опасных для себя районах.

Большим минусом нового казачьего движения было отсутствие своей политической организации, отсутствие единого военно-политического Центра, который мог бы руководить повстанческим движением.

В период борьбы 1917-1920 г.г. Казачество возобновило легальные формы и центры политического, военного и гражданского управления и руководства — Круги и Раду, Атаманов и Правительство. С уходом Войсковых Атаманов и Правительства за пределы Казачьих Земель на казачьих территориях не осталось ни представителей выборной войсковой власти, ни военно-политической организации, могущей с успехом выполнять функции единого, авторитетного политического руководителя. Казаки не имели навыка к нелегальной, подпольной работе.

Население политически было обезглавлено...

Щемлящие острой болью от большевистских насилиев, бурлящие желанием борьбы с красными завоевателями казачьи сердца тогда не ободряли и не цементировали кличи и повелительные указания признанного казачьего **ВОЖДЯ**.

К тому же, злая судьба-мачеха, как-бы в заключении борьбы на Родной Земле под руководством выборных Атаманов и назначенных им Правительств в марте приподнесла казакам страшный Новороссийский кошмар гибели Донской армии, а в апреле — ужасное предательство передачи Кубанской армии в большевистские руки. Оставшиеся в живых на Родной Земле непосредственные участники этих страшных актов казачьей трагедии понесли по казачьим станицам печальные вести о бездарности казачьих правителей...

И как под ударами сильной бури и холодного проливного дождя с градом склоняются к земле тучные полновесные колосья на казачьих нивах, так в степных станицах поникли казачьи головы под ударами страшных вестей о гибели двух Казачьих армий на берегах

Черного моря, вестей о дряблости, беспомощности, крайней нераспорядительности и даже предательстве со стороны тех, которые должны были руководить борьбой и вести Казачество к победам.

В довершение всех моральных и физических мук и бед казачьи слепцы-атаманы поехали в Крым вновь искать русского поводыря-генерала, чтобы под его руководством еще раз идти «спасать Мать-Россию, уже два с лишним года систематически обдававшую казаков смертельным душем винтовочного, пулеметного и орудийного огня...

Но, большевистские насилия побуждали к новой борьбе...

И потянулись ночами казаки в камыши, в горы и леса, потянулись туда, где, хотя временно, можно было укрыться от хищных большевистских глаз, от смертоносных красноармейских пуль, где природные условия, хотя в минимальной степени, позволяли казакам собираться в группы и отряды.

Совершенно открытая, безлесная, равнинная часть территории правобережной Кубани, к тому же обильно насыщенная большевистскими войсками, прорезанная сетью железных и грунтовых дорог, не была удобной для организации повстанческих отрядов.

То же самое можно сказать и о равнинной, безлесной и открытой части территории левого берега р. Кубани.

Кроме того, сама советская власть обратила свое особое внимание на удержание в своих руках таких политических и экономических центров или узловых станций железных дорог, как Екатеринодар, Новороссийск, Армавир, Ейск, Староминская, Кушевская, Павловская-Сосыка, Тимошевская, Крымская, Тихорецкая, Кавказская, Белореченская...

Приазовские плавни тоже не представляли больших удобств для организации значительных повстанческих отрядов, во-первых, потому, что они были совершенно открыты для наблюдателей и бомб большевистских аэропланов, а во-вторых, что сами плавни представляли большие неудобства и затруднения в деле сосредоточения и передвижения крупных отрядов.

Совершенно иную картину представляют из себя предгорья и горы Кубани, покрытые могучими, девственными лесами, изрезанные долинами и ущельями, позволяющими сосредоточение и организацию повстанческих сил, налажение питания и обеспечивающими успешные боевые операции против красных войск.

Хотя большевистская власть и сознавала крайнюю необходимость сосредоточения на Казачьих территориях достаточных вооруженных сил с целью удержания казаков в полном повиновении, но все же военные возможности советской власти, с головой тогда занятой войной с Польшей, были ограничены.

Согласно большевистским данным, к середине лета 1920 г. на Кубани были сосредоточены следующие большевистские силы:

1. В районе станиц Кушевской, Кисляковской, Уманской и Староминской — Приуральская отдельная бригада численностью около 5.000 штыков, 400 сабель, 40-50 пулеметов и 12 орудий.
2. В районе Ейска-Ахтари и в др. районах Кубани были размещены отряды особого назначения, мелкие части и т. п. силою в 4.000 штыков, 80 пулеметов, 6 легких и 11 тяжелых орудий.
3. В районе станиц Брюховецкой-Роговской 1-я Кавказская кавалерийская дивизия — 200 штыков, 1.000 сабель, 50-60 пулеметов и 12 орудий.
4. В районе Ачув-хут. Бойко-ст. Новониколаевская-ст. Новомышастовская-ст. Ильская-ст. Ставропольская-Небугская-гор. Новороссийск-гор. Анапа-ст. Благовещенская-Джигинское: 22-я стрелковая дивизия с приданными ей частями, всего 8.300 штыков, 230 пулеметов, 28 легких и 11 тяжелых орудий.
5. В районе ст. Гостагаевской 26-я стр. бригада с кавалерийским полком — 2.000 штыков, 200 сабель, 43 пулемета и 8 орудий.
6. В Екатеринодаре — отдельная бригада при штабе IX-й армии: 2.500 штыков, 30-40 пулеметов и 12 орудий.
7. В районе гор. Майкопа и станиц Пшехской-Белореченской - Курганной - Лабинской - Вознесенской-Попутной и Невиномысской — 34-я стрелковая дивизия в составе двух стрелковых и одной кавалерийской бригад и приданной ей кавалерийской бригадой 22-й

стр. дивизии, всего 3.683 штыка, 1.151 сабля, 161 пул. и 28 орудий.

8. На границах Кубани с Ставропольской губернией и Терской областью, в районе станиц Воровсколеской и Суворовской 12-я кавалерийская дивизия в составе 1.200 сабель, 60 пулеметов и 12 орудий.

9. В районе Туапсе-Сочи-Адлера Черноморская отдельная бригада 2.500 штыков, 30-40 пул. и 12 орудий. Всего: 28.183 штыка, 3.951 саб., 724-764 пулеметов, 130 легких и 22 тяжелых орудия (цитированная выше работа Голубева).

Вся южная половина Майкопского и Баталпашинского отделов (округов) и южная часть Лабинского отдела, т. е. покрытые лесами предгорья и горы Кавказские, где не были размещены постоянные гарнизоны красных войск, явились тем районом, где повстанческое движение в 1920 г. могло достигнуть наибольших размеров, как в смысле количества его участников, так и в смысле их сравнительной организованности и продолжительности самого движения.

—«»—

Февральское и мартовское отступление Донской и Кубанской армий по территории Кубани к берегам Черного моря было настолько поспешным, так врасплох захватило не только население вообще, но и лиц, числившихся в армии — офицеров и казаков, по тем или иным причинам находившихся в то время не в действующих частях, а в тылу (пребывание на лечении, нахождение в законном отпуску, в служебных командировках и т. п.), что многие из тех, кто не желали попадать в руки большевиков, не смогли отступить с армиями и остались в районах Кубани, скоро захваченных советскими войсками. Многие из таких казаков и офицеров пошли потом в повстанцы.

Много было и таких лиц, особенно среди казаков, которые, крепко придерживаясь мысли о необходимости и неизбежности борьбы с большевиками, но видя, как армии безостановочно и безудержно катятся к морским пучинам, оставляли армию и оставались в станицах и хуторах, или присоединялись к «зеленым» Закубанья, лишь бы хоть немного выждать и осмотреться, чтобы разобраться в лавине накатившихся событий.

Были и такие казаки, в измученных душах которых теплилась надежда на то, что, быть может, большевистская власть уже не такая грабительская и кровавая, какой она была в «первый приход» в 1918 г.; может быть, эта власть эволюционировала к лучшему; может быть, она не будет такой кровавожадной, мстительной и анархической, если не оказывать ей вооруженного сопротивления, если прекратить борьбу против нее. Так рассуждая, тысячи боеспособных казаков, потерявших доверие к своим выборным и иным руководителям, остались в станицах, когда Кубань захлестывала волна советских войск.

Были и такие, которые были просто измучены двухлетней тяжелой войной, неустойчивостью и хаотичностью казачьей политики, союзом Атаманов с темными силами русской контр-революции. У этих казаков безнадежно опустились руки. Им казалось, что решительно все равно, под какой властью они будут жить и работать...

Однако, ужасная большевистская действительность очень скоро пробудила Казачество от сна и снова объединила его в глубокой ненависти ко всему советскому.

Казаки поглядывали во все стороны... На севере — бесконечное советское море. На западе и юге — Азовское и Черное моря и высокие Кавказские горы... В казачьих хатах сидели красноармейцы...

Нет опытных руководителей... Нет пулеметов и орудий. Не имеется запасов огнестрельных припасов... Положение казалось безвыходным.

И все же Казачество восстало!

В самых различных районах Кубани собирались казаки в группы и отрядики. Каждый захватывал с собою то оружие, которое имел под руками. Из среды самих повстанцев выдвигались руководители. В одном месте им являлся полковник, в другом — хорунжий, в третьем есаул, в четвертом — урядник... В зависимости от условий местности, от числа казаков, шедших на неравную борьбу с красными оккупантами, в зависимости от личных качеств руководителя находи-

лась численная и боевая сила того или иного отряда повстанцев.

—«»—

Совершенно невозможно объективно определить, где впервые началось восстание на Кубани. Когда Донская армия в конце февраля 1920 г. еще находилась к северу от Екатеринодара, в районе рек Чельбассы и Бейсуг, оперативные сводки этой армии уже отметили массовое восстание казаков северных станиц Ейского отдела. То же самое наблюдалось в восточных частях Кавказского и Лабинского отделов и в некоторых других районах Кубани. Казачество восставало против красных через несколько дней после того, как станицы попадали под их власть.

Обыкновенно, подобные восстания скоро подавлялись красными войсками или же восставшие сами на время прекращали открытую борьбу и наступало внешнее «успокоение».

В некоторых районах западной части Кубани — в районе Приазовских плавень, в низовьях р. Кубани и на Таманском полуострове отряды восставших устойчиво и упорно держались до августа месяца, когда в этих районах появились десанты из Крыма, впитавшие в себя отряды и отрядики повстанцев или же расстроившие повстанческое движение вследствие провала десантных операций и возвращения десантных войск в Крым.

В южной и юго-восточной части Кубани повстанческое движение началось в апреле-мае месяцах. И в этом, как отмечено выше, наиболее удобным для деятельности повстанцев, районе проявились **все недостатки народного движения, присходящего без определенного плана, без ясно поставленной конечной цели, при отсутствии разумных, авторитетных и с сильной волей вождей.**

Казаки не могли снести большевистского ига и уходили в леса и ущелья, чтобы, там организовавшись, ринуться на красных и изгнать их из своих станиц. Рядовые казаки дали достаточное количество храбрых и стойких бойцов. Успех дела зависел в значительной мере от того, найдутся ли хорошие организаторы восставшей казачьей массы.

К сожалению, нет полных и исчерпывающих данных о ходе восстаний в этом районе, данных о том, как из отдельных повстанческих группок и отрядиков выросли полки и батальоны, как они объединились потом в целую повстанческую армию. Можно думать, что таких данных никому не удастся собрать ни теперь, ни в будущем, т. к., по понятным причинам, отсутствуют документальные данные, достаточные для объективного изучения тех прошлых событий.

Все же, на основании собранных нами данных (рассказы и записки непосредственных участников этого движения, как рядовых казаков, так и офицеров; рассказы членов Рады, бывших в районе восстания; сообщения членов Кубанского Правительства, так или иначе соприкасавшихся с восстанием уже опубликованные материалы по этому вопросу и т. д.) попробуем остановиться на общем описании этого казачьего движения, не выходя из рамок наших очерков.

—«»—

Когда Кубанская армия в марте 1920 г. подошла к границам Грузии и Грузинское правительство категорически отказало в пропуске этой армии на свою территорию, «среди Кубанцев стала крепнуть мысль о продолжении борьбы с большевиками на Кубанской территории; тогда (в апреле) член Рады Н. собрал группу членов Рады в 15 человек и, получив полномочия от Кубанского Правительства, отправился на Кубань через перевалы перед сдачей Кубанской армии; тогда же есаул Поперека отправился с 80 казаками на Кубань, в район ст. Псебайской» (из доклада члена Кубанского Правительства на Кубанской конференции 23-ХП-1920 г., бывшей под председательством Л. Л. Быча, в присутствии членов того же Правительства И. В. Ивасюка, д-ра Ледомского и товарища члена Правительства И. А. Билого).

Выше было уже отмечено, что более трех тысяч казаков во время сдачи Кубанской армии большевикам тоже направилось в горы.

Есаул Поперека, преодолев все чрезвычайные трудности перехода через занесенные снегом перевалы в Кавказских горах, со своим отрядом сумел пробраться на Кубань. «Одним из первых отрядов на Кубани во-

обще и вместе с одним из первых фостиковских отрядов был отряд шкуринца есаула Попереки», — говорит один из участников этого движения. «Уже в апреле 1920 г. Поперека дрался с большевиками в районе станции Сторожевой и Преградной. Отряд его численностью не превышал (тогда) 50 всадников, но хлопот красным Поперека причинил немало, неожиданно появляясь каждый раз в различных местах. Для станичных ревкомов и продкомов это был настоящий бич, беспощадно расправляющийся с незванной на Кубань властью. Каждый его набег на станицу ознаменовывался шумными расстрелами и вешанием комиссаров, районкомов и прочей красной администрации. Есаул Поперека любил выпить и его набеги были обычно «под градусом». Жесток он бывал тогда неизменно, настолько жесток, что казаки в станицах стали бояться этого «страшного бандита», по выражению большевиков, не мене самих большевиков. Порой станицы страдали от Попереки в неменьшей степени, чем от большевицких комиссаров» («Голос минувшего на чужой стороне», № 4/ХУП 1926, статья И. Г. Савченко: Зеленая Кубань (записки повстанца), стр. 201-202).

Очевидно, казачьи восстания под руководством подобных руководителей не могли привести к победе.

В самой восточной части Кубани, в районе станиц Бекешевской, Суворовской и Барсуковской (последняя — Терского Войска — расположена у самых восточных границ Кубани) действовал отряд полковника **Менякова**, бывшего атамана Пятигорского отдела; полк. Меняков не захотел отступить с территории родного Войска вместе с деникинским главноначальствующим Терско-Дагестанского края ген. Эрдели (тифлисская газета «Борьба» № 88(643) за 21-IV-1920 г.).

В районе ст. Баталпашинской (там было управление Отдела) весьма успешно действовал отряд есаула **Кравченко**.

По рекам Уруп и Зеленчуку, в районе станиц Исправной, Передовой, Удобной и Надежной работал повстанческий отряд войскового старшины **Князева**.

Повстанческие отряды есаула Попереки, войскового старшины Князева, есаула Кравченко и полковника Менякова захватывали обширный район, простиравшийся от р. Лабы через р. Уруп, Большой и Малый Зеленчуки, через р. Кубань, через восточную границу Кубанского Края до Минераловодской группы.

Среди повстанцев этого района особенно выдвинулся ген. **Фостиков**. Во время поспешного отхода армий к Черному морю этот генерал находился на излечении от ран, полученных в бою. Он не смог отойти с армией, не мог также остаться в районе, куда быстро приближались советские войска. Поэтому ген. Фостиков, вместе с несколькими офицерами, пробрался в горы — в Карачай, куда тогда еще не доставала рука советской власти, и там находился некоторое время, прислушиваясь и присматриваясь к тому, что происходит в Кубанских станицах, находившихся под большевистскою властью.

Лично храбрый боевой офицер, отличный джигит, весьма активный противник большевистской власти — ген. Фостиков не мог остаться в стороне от охватившего тогда Кубань повстанческого движения. Вскоре вокруг него собрался крепкий отряд повстанцев.

На этом ген. Фостиков не остановился. Сама обстановка тяжелой борьбы с советскими войсками диктовала всем руководителям мелких и крупных отдельных повстанческих отрядов необходимость объединения сил повстанцев под одним общим руководством. Повстанцы хорошо понимали, что, действуя мелкими отрядами, разбросанными в долинах, ущельях и лесах Кавказа, они не смогут побеждать советские полки, бригады и дивизии, не только запиравшие выходы с гор в равнину, богатую часть Кубанского Края, но сами проникавшие в горы с целью уничтожения там повстанческих отрядов.

Вскоре под руководством ген. Фостикова объединились вышеперечисленные отряды есаула Попереки, есаула Кравченко и полк. Менякова. Вследствие этого под командой ген. Фостикова собралась значительная сила — в несколько сот — храбрых и отважных, пеших и конных бойцов.

К повстанцам присоединилось и несколько членов Кубанской Рады.

Определенной политической программы в начале

руководители повстанческого движения не имели. Всех объединяла и воодушевляла на борьбу непосредственная и ближайшая цель — изгнать большевиков, прежде всего, из того района, откуда вышла повстанческая масса людей.

В период собрания повстанческих сил, для обсуждения некоторых общих вопросов ген. Фостиков временами созывал совещания, на которые приглашал офицеров, членов Рады и других видных лиц. На одном из таких совещаний, происходившем в июне месяце, было решено «обратиться к станицам и повстанцам с призывом соединить силы и собраться вокруг ген. Фостикова. Совещание выкинуло лозунги: 1) единое командование, 2) строгая дисциплина в повстанческих частях, 3) расстрел за грабежи и насилия и 4) расстрел за измену, трусость и бегство с поля боя» (цит. выше работа И. Савченко, стр. 202).

Многие станицы Баталпашинского и Лабинского отделов и повстанческие отряды откликнулись на этот призыв. Восстание разрасталось, ширилось... Борьба принимала более упорный и организованный характер. Отряды ген. Фостикова выросли в грозную силу, наводившую страх на большевиков в обширном районе верхнего течения реки Кубани и ее притоков.

Большевики говорят, что «разведывательные данные штаба IX-й красной армии» во второй половине июня числили у Фостикова одну кавалерийскую бригаду (Лабинский и Хоперский кавалерийские полки — 800 сабель, 9 пулеметов) и три сравнительно небольших отряда; «общая численность армии Фостикова», утверждают те же данные, «составляла около 1.300 штыков, 800 сабель, 17 пулеметов, 2 орудия» (выше упомянутая работа Голубева, стр. 131).

«3-го июля у высот Джэмгура (под ст. Кардоникской) Фостиков громит 305 и 306 советские полки. Чтобы наказать «фостиковскую банду», к станице Кардоникской большевики послали испытанные части... Фостиков удачным маневром заманил их в Глубокому Балку (у ст. Красногорской) и вторично разгромил красных, захватив все их пулеметы, патроны и около сотни пленных».

«6, 7 и 9 июля Фостиков в третий раз у Джэмгурских высот бьет большевиков. В боях 11 и 12 июля Фостиков вновь загнал большевиков в Глубокому Балку и отобрал у них все пулеметы. 13 июля красные опять пытаются разнести фостиковское гнездо, но неудача вновь постигает комиссаров: в бою под станицей Красногорской большевики вынуждены бросить все горные пушки и спастись «на легке», бросая по дороге все «лишнее» — тачанки с пулеметами, винтовки, снаряды». (Савченко, стр. 203).

—«—

Параллельно с ростом и укреплением повстанческого движения в Баталпашинском и южной части Лабинского отдела, развивалось подобное движение и в соседнем Майкопском отделе, по реке Белой и между этой рекой и р. Лабой.

Навалившаяся было в марте 1920 г. на северную и северо-западную части Майкопского отдела и на самый гор. Майкоп I-я Конная армия Буденного в апреле ушла в северную часть Кубанского края, а потом — на Украину.

34-я стрелковая советская дивизия, в которую на Черноморском побережье были влиты остатки Таманской армии (50-я стр. дивизия), после ликвидации Кубанской армии на Черноморском побережье была передвинута в Майкопский, Лабинский и Баталпашинский отделы с целью борьбы с уже начавшимся там повстанческим движением. Из состава этой дивизии в Майкопском отделе расположилась только одна 101-я стрелк. бригада, занявшая самый гор. Майкоп и станицы Пшехскую и Белореченскую (узловая станция).

На юго-восток и восток от г. Майкопа, по правому берегу р. Белой, простираясь до самой р. Лабы, по отрогам Кавказских гор тянется девственный лес (с северо-запада на юго-восток около 40 верст и с запада на восток — около 30 верст). Вокруг этого леса расположены станицы: на севере-Кужурская и Ярославская, на востоке — Махощевская и Костромская и селение Беноково, на юге — Хамкетинская и Царская, и на западе — Абадзехская и Тульская.

Этот густой и могучий лес, недоступный в то время для советских войск, явился тем районом, куда сте-

кались повстанцы из окружающих станиц и из гор. Майкопа, и где они скрывались от советской власти и организовывались для борьбы с нею.

Уже в апреле началась здесь организация отряда хорунжего Ющенко. К этому отряду тянулись не только казаки из соседних станиц, но к нему же направлялись и антисоветские элементы из города Майкопа. Бежавшие из этого города сообщали, что сам советский «комендант города, Вирченко, на стороне зеленых, что он бывший штабс-капитан, и что ему обязаны очень многие офицеры своей жизнью, так как он часто предоставлял им возможность бежать, избегая чрезвычайки, снабжая беглецов подложными документами и удостоверениями, сфабрикованными в красной комендатуре. Вирченко не раз присылал в лес красные оперативные сводки, приказы по Майкопскому укрепленному району, а вскоре и сам перебежал в лес, принеся с собой целый архив всяких документов, приказов и дислокационных сведений» (Савченко, стр. 192).

Это важное обстоятельство, понятно, в значительной степени, хотя временно, облегчало работу повстанцев.

«Общая рада отряда, обсудив положение, пришла к мысли, что отряд следует организовать на более прочных основаниях, ибо операции требуют плана, исполнимости, дисциплины. Рада предложила недавно прибежавшему в лес полк. Крыжановскому, как старшему и более опытному, вступить в командование отрядом. Крыжановский согласился. Отряд принял название «Горно-Сводного отряда». Конницей в нем стал командовать Ющенко, пехотой — Вирченко» (там-же).

Отряд к этому времени насчитывал в своих рядах 400 человек, но бойцов, т. е. людей вооруженных, было едва сто.

Продолжая свое повествование, тот же автор говорит: «Приходилось подумать о вооружении. Огнеприпасов было также очень немного. Еще хуже обстояло дело с продовольствием. Хлеба совсем не было. Кормиться приходилось лесной охотой и случайной благотворительностью жителей, что было и рискованно для станиц, да и не обеспечивало такой сравнительно большой отряд регулярным довольствием. Были сведения, что ближайшие станицы сочувственно относятся к отряду и непрочь в него войти, но бежать из станиц в лес не рисковали казаки: за бегство отвечала семья, которая бралась заложниками, имущество бежавшего конфисковалось, и вообще это причиняло много бед и хлопот станице.

«Все эти соображения привели к мысли, что отряду необходимо уже приступить к боевым действиям. Нужно было шире обозначить район восстания. Отряд сделал несколько коротких налетов на станицы Кужорскую, Махшевскую, Ярославскую. Это дало возможность пополниться оружием, патронами, провиантом и новыми повстанцами» (там-же).

Одновременно с тем, как шла организация повстанческих сил в Махшевском лесу, в других районах Майкопского отдела выросли отряды полк. Посевина (ст. Переправная), полк. Чаленко, полк. Фартукова, есаула Иванова и др.

Отряд полк. Посевина присоединился к отряду полк. Крыжановского в начале июля. По взаимному соглашению, слившиеся отряды образовали 1-й Отдельный повстанческий корпус во главе с командиром полк. Крыжановским.

«Повстанческий корпус наметил план действий: 1) освободить от красных горные станицы, 2) закрепить их за собою, образовав из них зеленый плацдарм, 3) занять командные высоты и 4) обеспечить надежными заставами все вероятные подступы. Пехота должна удерживать отвоеванный у большевиков район, а конница — делать набеги и расширять зеленый круг.

«Посевин настаивал на необходимости объявить мобилизацию района действий корпуса. Но это предложение встретило энергичный отпор Крыжановского:

— Мобилизация — это принуждение. Нельзя принуждать человека стать повстанцем. Восстание казаков не по приказу делается, без приказа и наши ряды должны увеличиваться, — такова была повстанческая позиция Крыжановского».

Не менее важным было и то, что «в освобожденных станицах решено было не «наводить порядок».

Крыжановский был против вмешательства во внутреннюю жизнь станицы: — Не нужно насильство станицу. Она сама наладит жизнь. Захочет атамана — атамана выберет, понравится ей ревком — пусть ревком будет. Это не наше дело. Жизнь строить должна сама станица, наше дело дать ей лишь возможность свободно устраивать эту жизнь. Мы не власть. Мы повстанцы, мы зеленчуки... Власть станицы сами себе создают» (там-же, 193).

К повстанческому корпусу полк. Крыжановского присоединились различные мелкие отряды. В него влились и вышеназванные крупные отряды полк. Фартукова, полк. Чаленко, есаула Иванова.

Этими соединенными силами к середине июля были освобождены станицы: Кужорская, Ярославская, Махшевская, Костромская, Засовская, Переправная, Беслиевская, Андриковская, Псебайская, Бяговская, Губская, Баракаевская, Хамкетинская, Царская, Даховская, Абадзехская, Тульская, т. е. обширный район между реками Белой и Лабой и Кавказскими горами.

Главный штаб повстанцев этого района находился в ст. Царской, там же были лазарет и мастерские: оружейная, седельная, сапожная...

—«—

Таким образом, повстанческое движение в отделах Баталпашинском, Лабинском и Майкопском в первой половине июля проявило большую активность и имело заметные успехи, воодушевлявшие на дальнейшую борьбу.

Естественно, поднимался вопрос о дальнейших целях и плане борьбы.

Один из участников восстания утверждает, что на фронте 1-го повстанческого корпуса полк. Крыжановского «высокими вопросами никто не занимался... «Перед повстанцами стоял враг в виде красной армии, защищавшей неугодную казачеству власть, и повстанцы считали своей обязанностью этого врага бить. Вопрос о том, какою будет Кубань после свержения большевиков, — не существовало на фронте».

«Завтрашний день» никого, казалось, не интересовал. Весь интерес, вся воля, весь порыв были устремлены на «сегодня», на то, что есть, а не на то, что будет. Пестрая гамма мотивов толкала казачество в зеленый стан. Одни убежали от красной мобилизации, другие боялись расплаты за ретивое участие в белом движении — атаманы, шкуринцы-волки, корниловцы-первопоходники... Не мало было в повстанческом стане и идейно не примкнувших коммуны. Лес всех объединял общностью задачи — борьбы с красной властью».

«Четкого, мало-мальски хотя-бы определенного политического лица зеленая громада не имела».

«Не то в зеленом тылу, возле штаба, который несмотря на все усилия Крыжановского, обростает «штатскими людьми».

«Здесь уже не рядовое казачество а «мозг» его, интеллигенция, общественные деятели... Здесь не смолкают споры. Здесь стараются под зеленую борьбу подвести политическую платформу».

«Крыжановский освобождал станицы от большевиков, но не насаждал там никакой власти. Он предоставлял станицам свободу самоуправления... Крыжановский сам не носил погон и удерживал от того своих офицеров. Не запрещал, но отговаривал, замечая, что «это» еще успеется, а пока не всем повстанцам это импонирует. Дисциплинарной власти офицеры Крыжановского не имели. Он был сторонник добровольного подчинения. Кто не хотел подчиниться, мог уходить из корпуса, но наказаний за неподчинение Крыжановский не признавал» (Савченко, 209).

Однако, полк. Крыжановский, хотя и был казаком, но обрусевшая душа его тянула к России.

«Крыжановский в своей борьбе с большевиками ориентировался на Крым. К Врангелю через Кавказские перевалы Крыжановский послал гонцов и ждал «приказа Главнокомандующего» (там-же).

Очевидно, в этом случае командир 1-го Повстанческого корпуса выявлял не только свои личные политические стремления, но отражал настроение и других руководителей повстанческого движения в Майкопском отделе.

В 1920 г. повторили ошибки 1918-1919 г.г.

Вопрос о конечных целях борьбы еще стоял у ген. Фостикова.

«Фостиков, окрыленный успехом, стал разворачивать свои отряды в армию, дав ей имя **«Армия возрождения России»**. Этим именем зеленый атаман хотел сказать, что повстанческая армия ставит себе задачу — **борьбу не только за Кубань, но и за Россию»**.

«Немало было противников этого названия. Особенно не любо оно было кубанцам-самостийникам. Но Фостиков одержал верх, и это имя было отвоено у самостийников», констатирует И. Савченко (там-же, 203 стр.).

—«»—

Двести лет Россия пользовалась Казачеством в своих интересах. Доблестные полки степных рыцарей, закаленных в тысячелетней упорной борьбе с воинственными племенами кочевников, прокладывали путь русской сермяжной армии во времена Крымских походов, водили русских солдат через Днестр и Дунай на Балканы и через горы Балканские — к самому старославному Царьгороду; громили Турецкие и Персидские армии и добывали закавказские и малоазийские неприступные крепости; участвовали во всех европейских походах России — казачьи коней поили водами Вислы, Одера, Эльбы, Рейна, Сены, р. По в Ломбардии; казачьи полки прорезали вдоль и поперек земли от Урала до Памира...

Музеи казачьих столиц переполнились боевыми, продырявленными пулями винтовок и картечью, потрепанными ветрами буйными и покрытыми пылью боевых походов знаменами, «высочайше пожалованными казакам» за боевые отличия при военном строительстве России; те же музеи украсились тяжеловесными «высочайше пожалованными» огромными серебряными трубами, в свое время, для подбадривания казаков, громыхавшими марши при походах «на Балканы», «за Кавказ», «на Париж» и т. д. Там же хранились с большими печатями «высочайше пожалованные грамоты», которыми «всемилостивейше» дарили казакам казачьи земли...

Казачьи офицеры, воспитанные в офицерских семьях, в кадетских корпусах и в военных училищах, а также в полках и батальонах в любви именно к такой роли казачества, воспитанные в прославлении России, в беззаветной преданности ей, в готовности в любое время положить головы на поле брани за честь и славу России; казачьи офицеры, оглушенные, как морской шквал налетевшими, бурными, кровавыми событиями — отречением императора от престола и убийством всей его беззащитной семьи, развалом русской армии, издевательствами солдат над офицерами и массовыми убийствами последних, всеобщим грабежом и разбоем, поруганием святых, семьи и права, кровавой междоусобной войной, — эти офицеры не могли, очевидно, так легко отказаться от мысли о любви, в первую очередь, к России, о необходимости бороться, прежде всего, за ее славу, за ее добро и процветание...

Наступивший революционный ад крошечный, свержение во прах и унижение всего святого, всего того, чем жила, чему верила и молилась душа, за что складывали головы на полях брани, невольно возвращали взоры к прошлому духовному и физическому благополучию, к материальному благобытию, царствовавшим во времена величия, славы и спокойствия России.

Избавление от ужасов «гражданской» войны, спасение от иностранных интервентов, ищущих только наживы, тесно и неразрывно связывалось у них с необходимостью возрождения могучей России...

Многие из офицеров-казаков не замечали, что той России, в которой они родились и выросли, любить которую и умирать за которую их учили дома, в школе и в церкви, **уже нет и воскресить ее невозможно**; что на место старой России пришла новая, большевистская, долго выроставшая из глубин русского народа, извне только закрытая в прошлом величественным покровом императорской России; что эта новая Россия имеет свою долгую и богатую историю — недовольство народное, подавлявшееся опричиной Ивана Грозного; тянувшееся десятилетиями «смутное время»; «медный бунт» при Алексее Михайловиче; крестьянские волнения во времена Разина; бунт стрельцов при Петре I-м; участие русских крестьян в «казачьем» и инородческом движении Пугачева, в движении Декабристов, в Петрашевцах, в крестьянских бунтах XIX столетия, в «Земле и Воле», в рабочем движении, в революционном дви-

жении, принявшем особенно открытые и яркие формы в 1905 и в 1917 г.г....

А, что было главное, многие казачьи офицеры и казачьи интеллигенты вообще не знали или не придавали должного значения тому, что **Казачество имеет свою собственную историю**, что его взаимоотношения с Россией определялись не только военными походами во славу России, не только участием казаков в избрании Михаила Романова на престол московский, не только получением царских знамен, труб и жалованных грамот; но Казачество само вело долгую и упорную борьбу против захватнических стремлений России, что оно само восставало против России при Разине, Булавине, Пугачеве, в конце царствования Екатерины II и т. д.; что борьбу за свою независимость вели и различные народы, покоренные Россией в прошлых столетиях; что теперь борьба за «белую» единую и неделимую Россию означает, прежде всего, борьбу со всей новой «красной» Россией, уже имеющей свою армию, ведомую десятками тысяч русских офицеров и сотнями полковников и генералов царского русского генерального штаба и цементируемую десятками тысяч русских унтер-офицеров; что борьба за Россию, кроме того, теперь означает борьбу с пробудившимися к самостоятельной государственной жизни народами Кавказа, средней Азии, Сибири, Прибалтики, народов Польского, Украинского и др.

Все те народы, царства и княжества, которые с такой гордостью и благоговением перечислялись в титульной части императорских грамот и указов, восстали против владычества России. Все завоеванные Россией и сохранившие свой национальный облик народы боролись за свою государственность.

Несмотря на все это, военные руководители казаков, восставших против советской власти в горах Кубани, свои сравнительно небольшие силы назвали **гордым и широковещательным именем — «Армия Возрождения России»**.

—«»—

Повстанцы Баталпашинского и Лабинского отделов, признавшие над собою власть ген. Фостикова, были сильны настолько, что, опираясь на сочувствие казачьего населения окружающих станиц, могли разбивать в горах мелкие и крупные красноармейские части; но все же повстанцы не имели столько силы, чтобы выйти хотя-бы на ближайшие участки Армавир-Туапсинской и Владикавказской железных дорог, чтобы захватить ближайший город Армавир...

Повстанцы страдали от недостатка вооружения, у них не было запасов огнестрельных припасов, почти не было лекарств и перевязочных средств... Руководители повстанцев не знали, что происходит в соседних областях, в Крыму у Врангеля; как относятся к борьбе с большевизмом те иностранные государства, которые могли бы оказать повстанцам помощь оружием и финансами...

И все же ген. Фостиков со своими единомышленниками называли повстанческие отряды не иначе, как армией, которая будто бы шла возрождать необъятную большевистскую Россию. И такое название дали, несмотря на то, что, как отмечено выше, «немало было противников этого названия».

Духовный багаж тогдашних казачьих вождей, степень их политического развития, их неумение разбираться и ориентироваться в происходящих сложных процессах национальной и социальной борьбы, которые, как цепкими железными когтями, все время держали их около раз усвоенной ими идеи борьбы только за Россию и для России, были одной из весьма серьезных причин неуспеха казачьей борьбы.

Эти люди, слепо держась идеи борьбы за Россию, упорно сбивали Казачество с казачьей дороги. Было две дороги: казачья и русская. Те из этих политиков, которые стояли у кормила правления и видели, что казачьи самостийники стремятся казачий боевой поезд пустить по казачьим рельсам, старались перевести железнодорожные стрелки так, чтобы этот казачий поезд направить на рельсы, ведущие прямо в «белокаменную Москву».

Красноармейцы разбирали пути «белых» на Москву и казачий поезд слетал с рельс, опрокидывался и разбивался. Казачьи «политики» поднимали его, починяли и снова направляли на Москву и он снова и снова разбивался о стену русских красных армий, кото-

рые себя считали защитниками прав и интересов русского народа.

Не мало вреда принесла и борьба на казачьих верхах между казачьими правителями за перевод «стрелки»: одни тянули на Москву, а другие — за казачьи госу­дарства.

А что получилось в результате такой «политики»?

— «—» —

Тем временем красная Москва, разгромив настоящих своих противников и конкурентов — Колчака и Деникина, сама пришла на Казачьи Земли, не сумевшие организовать свою оборону, и начали там заводить свои порядки.

Часть казаков большевики забрали и послали на свой Западный фронт — воевать против Польши и тем самым укреплять русский «красный» хомут на казачьей шее; другая часть казаков была в Крыму и тянула русскую колымагу Врангеля, на которой сидели разбитые революционной бурей персонажи из числа бю­рократов, помещиков и генералов старой России; политическая слепота, беспринципность, стремление к легкой наживе некоторых казаков бросили их в большевистский лагерь... Масса казачьего населения мучилась под большевистской властью; часть казаков вос­тала против большевиков и бросилась выгонять красных тиранов из родных станиц...

Военные руководители восставших спешили наклеить им ярлык «Армии Возрождения России».

«Белая» Россия, «красная» Россия, «зеленая» Россия — и всюду казаки. А в результате — Казачьи Края в неволе... Кругом — кровь, слезы, разорение, грабеж, угнетение...

Поставив себе широкую цель — борьбу за возрождение всей России, «Фостиков вел себя, как диктатор. Создав вокруг себя правительство, составленное из случайных людей, Фостиков стал на него опираться, как на «кубанскую власть». Он объявил мобилизацию, за уклонение от которой грозил всяческими карами; он учредил зеленый военно-полевой суд. К местным казакам, причастным к советской администрации (а таких было, разумеется, не мало), применялись кары. Террор получил права гражданства на территории Фостиковской Кубани».

«Фостиков не только очищал станицы от красных, но и брал на себя устроительство их внутренней жизни...

«Гражданской властью» оказывался в Фостиковском районе, назначенный Фостиковым атаман Баталпашинского отдела полк. **Васильев**, на обязанности которого лежало — «держать в руках зеленые станицы». Полк. Васильев начал с того, что отдал по отделу приказ о мобилизации 12-ти присяг казаков. Приказ, как и можно было думать, оказался штабной бумагой.

«Одне станицы открыто враждебно ответили на мобилизационный приказ, отказавшись служить «белым бандам» ген. Фостикова (ст. Зеленчукская), другие (ст. Передовая и ст. Исправная) ответили: «покажите нам, что это за «Армия Возрождения России»... Надо сначала посмотреть ее»... Третьи соглашались мобилизовать казаков, но «по секрету», держа мобилизованных в станице на «экстренном вызове», «до востребования», так сказать (ст. Кардоникская). Такой отряд «до востребования», сформированный войсковым старшиной **Масловым** из кардоничан, жил по дворам и по первому зову брался за оружие, чтобы помочь фостиковцам. Станица Кардоникская, впрочем, была исключительно боевой станицей. Большинство же станиц, давая отдельных партизан, иногда целую сотню их, боялись открытой мобилизации, означавшей объявление войны большевикам. Красная власть держала в трепете станицы своими пушками...

«Так, «фостиковская» мобилизация 12 присяг и не прошла. Пошли отдельные казаки, но это была не мобилизация, а добровольчество. Тяжело было иго советской власти, но не было веры и в значительность зеленого движения...

«Но не только страх за неудачу восстания удерживал станицы от зеленой мобилизации. Значительная доля вины за неуспех мобилизации лежала на самой фостиковской «диктатуре». Впечатление получалось такое, будто ген. Фостиков и его отряды не местные повстанцы, а пришлые завоеватели. Фостиковцы приходили в станицу, не как свои люди, а как победители. Фостиков забывал, что повстанческие отряды не регулярная армия и что повстанцы не могут руководство-

ваться старым «Положением о расквартировании войск», подчинении гражданских властей военным и пр.

«Расквартирование повстанцев в станицах по предписанию повстанческого начальства, вынужденное до­вольствие повстанцев по дворам, реквизиция скота для отрядного довольствия — все это отталкивало от зеленых и без того колеблющееся население» (цитируван­ная выше работа Савченко).

Несмотря на этот тяжелый внутренний недуг, которым болела «Армия Возрождения России», все же казачье повстанческое движение в июле месяце причинило большие затруднения советской власти.

Вот что сами большевики говорят по этому вопросу:

«Кубано-Черноморская область летом 1920 г. входила в район красного Кавказского фронта и была занята его правофланговой IX-й Кубанской армией (в состав Кавказского фронта входили IX-я, X-я и XI-я армии).

В задачи последней — IX-й армии — входило:

- 1) обеспечение правого фланга Кавказского фронта со стороны Крыма и Грузии;
- 2) борьба с бело-зеленым и повстанческим движением в пределах занимаемой территории;
- 3) общее содействие успокоению и советизации области.

«Наиболее серьезным и опасным противником IX-й армии являлся врангелевский Крым, господствовавший на море и полтому всегда имевший возможность выбросить десантные отряды в любом участке Азовско­го и Черноморского побережья».

«Активное выступление Грузии, охваченной армией Кавказского фронта (этот фронт занимал весь Северный Кавказ, Дагестан и Азербейджан), было маловероятно. К тому же, главный Кавказский хребет, отделивший IX-ю армию от Грузинской, имея в этом районе многочисленные и крайне неудобные перевалы, не допускал серьезных действий ни с той, ни с другой стороны. Грузия, как нейтрально-враждебное государство, имела значение лишь, как территории, на которой могли формироваться и укрываться повстанческие и бандитские отряды».

«Более серьезным противником, чем Грузия, для IX-й армии было бело-зеленое и повстанческое движение».

«Характер повстанческого движения в этих районах был неодинаков. Банды, скрывавшиеся в плавнях Таманского отдела, не были объединены единым командованием и вели себя крайне пассивно, несмотря на то, что находившиеся в их районе мелкие части IX-й армии численно значительно им уступали (это неверно, см. выше распределение красных сил по территории Кубани. Ред.). Движение в горных районах носило все время активный характер, особенно в отделах **Лабинском** и **Баталпашинском**. Здесь станицы южнее примерно линии Баталпашинская-Либинская-Майкоп-Краснодар летом 1920 г. фактически не видели Советской власти и с уходом белых находились во власти бело-зеленых банд».

«Со второй половины июля (по новому стилю) действия банд стали постепенно принимать организованный характер: они укрупнились, вооружались, принимали вид регулярных частей. Борьба с ними стала носить серьезный характер. Так, например, 22 июля (4 августа) части 34-й дивизии вели упорный многочасовой бой с бандой свыше 1.000 сабель с пулеметами и двумя орудиями. Кавалерийская бригада 22-й дивизии 27 июля (9 августа) под ст. Передовой имела неудачный бой с бандой, численностью в 200 штыков и 800 сабель, во время которого потеряла 150 человек и 6 легких орудий».

«Наконец, в первой половине августа (по нов. ст.) стало определенно известно, что банды в горных районах Майкопского, Баталпашинского и Лабинского отделов объединились в «Армию Возрождения России», под командой ген. Фостикова, общей численностью около 6.000 штыков и сабель, при 34 пулеметах и 12 орудиях. Связь этой армии с Крымом и Грузией у штаба IX-й не вызвала сомнений» (Голубев, цит. его работа, стр. 26—27).

Приведем далее большевистские данные о состоянии повстанческого движения на Кубани около 20 июля 1920 г. По данным штаба IX-й сов. армии, число пов-

станческих отрядов и их сила выражались в следующих числах:

Название отделов	Общая численность				
	число банд	штук.	саб.	пулем.	орудий
Ейский	—	—	—	—	—
Кавказский	—	—	—	—	—
Таманский	15	3245	530	16	1
Екатеринодарский	2	500	300	—	—
Майкопский	4	5000	2000	23	—
Лабинский	3	800	700	4	2
Баталпашинский	5	1300	800	17	2
Всего	29	10845	4330	60	5
Бойцов	15.175				

(Тот же источник, стр. 27).

Само собою разумеется, что эти данные ни в коем случае нельзя считать сколько-нибудь точными.

Не мешает сопоставить с этими данными и те сведения о повстанческих отрядах на Кубани, которые приводит ген. Врангель в своих «Записках»: «По данным нашей разведки», говорит он, «повстанческие отряды действовали:

- а) отряд полк. Скакуна, численность которого определялась разнo, от 400 до 1500 человек — в плавнях района Ачуева;
- б) отряд ген. Фостикова — в Баталпашинском отделе в районе станиц Удобна-Передовая-Сторожевая-Кардоникская; отряд этот исчислялся в несколько тысяч казаков и действовал под командой решительного начальника весьма успешно. К сожалению, все попытки установить с ген.

Фостиковым непосредственную связь были безуспешны;

- в) отряд полк. Менякова — в районе станиц Суворовская-Бекешевская-Бургустанская;
- г) наконец, вернувшийся недавно партизан, полк Лебедев, работавший некоторое время в районе Анапы, донес о весьма удачных действиях повстанцев (зеленых) вдоль линии железной дороги Екатеринодар-Новороссийск.

(«Белое Дело», т. VI-й, стр. 138).

Приведенные данные относятся к концу июля 1920 г. В действительности, никто не мог установить, какое количество повстанцев входило в повстанческие отряды, т. к. сами повстанцы, по понятным причинам, старались скрывать подобные данные о себе, да и непрерывно меняющийся состав их отрядов и групп, постоянное передвижение их с одного места на другое — не давали объективной возможности для установления числа повстанцев.

Все же приведенные выше данные устанавливают тот факт, что Кубань снова бурлила ненавистью к большевистской власти, что там поднялось большое антибольшевистское движение.

Большевики беспощадно уничтожали пойманных повстанцев, расстреливали членов их семей и «укрывателей», сжигали дома, хутора и некоторые станицы....

Не сумело Казачество в 1917—1919 г.г. выступить организованно, объединенно и дружно; не сумело организовать единую цельми и казачьим духом армию; не смогло общими продуманными усилиями организовать защиту своих границ... и теперь несло такие ужасные потери убитыми, замученными и ранеными. Горькими слезами и алой кровью обильно окроплялась Казачья Земля, а кровожадный завоеватель в глаза смеялся над всем казачьим и опустошал казачьи амбары, сарай и дома, густо устилая казачьими трупами свою дорогу к ним.

(Продолжение следует)

Николай ПОСОХОВ.

Мы цели достигнем заветной своей!..

(КАРТИНКИ С НАТУРЫ)

(Окончание).

— Однако, — начал снова Джигит, — я немного уклонился от темы, ведь я хотел привести вам доказательства, что немецкие генералы и европейские капиталы не подпирали и не помогли ни украинскому, ни казачьему, ни другому какому либо национально-освободительному движению на Юго-Востоке бывшей России, а, напротив, европейские капиталы и всякая помощь были на службе у русских «белых» генералов: Деникина, Врангеля и иже с ними, чтобы бороться не столько с большевиками, сколько с народными освободительными движениями. Я не буду слишком распространяться, а лишь укажу некоторые факты и документы, которые сами за себя скажут и помогут вам выйти из лабиринта противоречий и заблуждений, куда вас привела русская единоеделимческая политика «белых» вождей, стоившая Казачеству рек крови и неисчислимых напрасных жертв... Как известно, в ноябре 1918 г. прибыли на Дон и на Кубань представители государств тогдашней Антанты, которые всецело стали на сторону ген. Деникина, добиваясь подчинения ему всех вооруженных сил казачества. 20 ноября 1918 г. в Екатеринодар прибыла английская военная миссия во главе с ген. Пулем. На банкете, данном в ее честь, ген. Пуль заявил: «У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель — воссоздание Единой России... как представитель Великобритании, я передаю вам от своей страны: «Мы ни одной минуты не забывали, что Россия — наш старый верный союзник». На том же банкете, представитель Франции кап. Эрлиш заявил ген. Деникину и журналистам: «Вы можете безусловно рассчитывать на помощь великой Англии и свободной Франции... мы с вами, мы за вас... я твердо верю, что скоро на высоких башнях св. Кремля красный флаг будет заменен славным трехцветным знаменем Великой Единой России...». Затем,

обращаясь в сторону Кубаского правительства, добавил: «Кто против Деникина, тот против нас». Вам, господа, ясно, что все эти выступления свидетельствуют, что выступавшие не знали ни точного положения вещей, ни обстановки на Юге бывшей России, ни чаяний народов, борющихся с большевиками. «Союзники» не знали, или не хотели знать, или были неправильно осведомлены, что в 1917-18 годах Казачество восстановило свою государственно-политическую независимость и боролось за эту независимость, а не за Россию, как того хотелось русским беглым генералам, укрывшимся в Стране Казаков. Русские генералы, опираясь на казаков, втягивали французов и англичан в осуществление фантастического плана: руками казаков освободить Россию и руками тех же казаков надеть им же русское ярмо. Ваши «белые» вожди в период Русско-Казачьей войны 1917-20 годов, приписав себе казачьи победы, пренебрегли волей казаков... Свое подлинное отношение к нам, казакам, русские вожди проявили на примере гнусного убийства председателя Кубанской Рады Н. Рябовола... Вероломным способом «белые» вожди вели борьбу с казачьими национальными вождями, чтобы легче было обмануть Казачество и сделать его послушным орудием в своих руках. Свое отношение к украинскому освободительному движению русские белые запечатлели в документе под названием: «Обращение главнокомандующего к населению Малороссии», выпущенном 12 августа 1919 г., после чего на Украине началась ликвидация всего национально-украинского и насажение русского. В подтверждение факта борьбы Деникина с национальными освободительными движениями народов Кавказа за средства и с помощью иностранцев, красноречиво говорит следующее воззвание полковника английской военной миссии Роландсона к пред-

ставителям народов Кавказа, распространенное в связи с уходом союзных войск с Архангельского, Мурманского фронтов и Закавказья в августе 1919 г. Представитель Англии писал: «Я, полковник Роландсон, обращаюсь к представителям Ингушетии, Чечни и Дагестана и говорю: «Английское правительство поддерживает и помогает ген. Деникину вооружением и снабжением и будет помогать, пока он не достигнет своей цели; вы не должны думать, что уведя свои войска из Тифлиса и Баку, Англия — против Деникина. Будет очень жаль, если оружие, посылаемое Деникину, будет обращено против вас»... — Думаю, господа, вам достаточно и этих данных, чтобы согласиться с тем, что ген. Деникин, Врангель и иже с ними в первую голову не с большевиками боролись, а воевали и покорили национально самоопределившиеся народы бывшей России...

После минутного раздумья Джигит добавил: И последствия такой Деникинской политики вы сами знаете: Деникин своей политикой борьбы с вновь образовавшимися национальными государствами спростовал и помог красным завоевать и оккупировать Казачью территорию.

Младоросс, внимательно слушавший доводы Джигита, возразил: — Я отлично понимаю и разделяю Ваше непримиримое отношение к большевикам, лишившим Вас и меня родины, я ведь тоже враг большевиков, но меня поражает и я не могу понять, почему Вы и большинство казаков отказываетесь быть русскими и отделяетесь от России?.. Русские писатели посвятили много славных страниц, описывая бесстрашие, доблесть и неувядаемую славу казачьих полков во всех русских войнах, в которых всегда участвовали казаки. Ведь вот я лично больше Вас имею основание не считать себя русским, так как я татарского происхождения, и, однако, я горжусь, что принадлежу к великой русской нации и преклоняюсь и восхищаюсь величием ее истории.

— Да ведь и мои предки тоже были татарами, а я стал русским; правда, некоторые и теперь еще называют меня русским татаринном, — вставил шутивным тоном хозяин дома.

Игривая улыбка осветила лицо Джигита и он, помолчав мгновение, продолжал:

— Чем дальше в лес, тем больше дров. В том, что вы, обрусевшие татары, утратившие связь со своим народом, ассимилировавшись, стали русскими и гордитесь принадлежностью к русской нации, нет ничего удивительного: ведь, правило не без исключения и в семье не без уroda, говорят: я встречал обрусевших немцев, которые стали, как это ни странно, более русскими, чем сами русские. Во всяком случае, каждому истинному патриоту свойственно гордиться принадлежностью к своей нации, к своему народу и по достоинству ценить славу своих предков. Я вот лично принадлежу к малой Казачьей нации, но слава наша до сих пор не превзойдена, да и вы сами только что свидетельствовали о том. И я горжусь и предпочитаю принадлежать к этой малой и славной казачьей нации, сохранившей высокие принципы рыцарской чести и доблести на протяжении веков. Я не перемену своей казачьей национальности на русскую — при всяких обстоятельствах. Я, например, не могу восхищаться и преклоняться перед историей нации, начавшей позорными словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», и создавшейся и укреплявшейся вероломством своих князей и царей на крови, костях, порабощении и эксплуатации других народов. Ведь вот прошло уже более тысячи лет с начала вашей истории, а в земле вашей как раньше не было порядка, так его нет там и по сие время. И, как это ни смешно, есть среди вас много таких, которые возлагают все свои розовые надежды на казаков, ожидая, что они освободят вам Россию и установят порядок. Эти русские упустили только из виду, что национальное сознание казака уже не то, что было прежде. Пока русские спали, видя в своих радужных снах великую, неделимую Россию, в казачьей душе произошел большой сдвиг, в ней произошла глубокая революция духа. Казачество уже не пойдет тушить пожар в чужом доме, когда свой собственный в опасности, не пойдет устанавливать порядок в вашем доме, а предпочтет выпроводить из своего собственного дома непрошенных гостей и

заняться приведением в порядок своего собственного дома, разрушенного и загаженного русскими оккупантами. Оставшиеся там, на Родине, казаки в русской красной неволе, путем горького опыта и неслыханных мук пришли к заключению, что лучше жить хозяином в своем доме, чем бесправным рабом в чужом. Казаки в эмиграции, изучив свои прошлые ошибки и поняв причины своего прошлого поражения, объединились и сплотились на единой национально-освободительной программе, начертан на своем синем-малиновом-желтом знамени программные слова: «Казачья — наша цель, наш девиз — Казачья Воля». И эти слова не только на нашем национальном знамени, но они, как священный призыв к чести, совести и долгу всякого казака патриота, вошли и запечатлелись в душе и сердце казаков националистов. Мы, казаки, и там, на родине, и здесь, в эмиграции, поняли и сознали, что можем мирно жить, трудиться и культурно развиваться только в своем собственном независимом Казачьем государстве. От честного и искреннего сотрудничества и сговора с соседями мы не отказываемся. Но, чтобы такое сотрудничество казаков и России могло осуществиться, необходимо, чтобы вы, русские, научились бы уважать национально-политические и территориальные права Казачества. Сотрудничество с вами, русскими, будет возможно, когда вы и ваши русские правители откажетесь от хищнической политики насилия и вероломства в отношении своих соседей. Вы не можете отрицать, что между психологией и идеологией казачьей и русской существует громадная разница, которая проявляется в различии понимания и определения одного и того же явления или события.

— Для примера укажу на борьбу с большевиками 1917-20 годов. Для вас, русских, это была гражданская война — борьба за власть русских белых с русскими красными; для нас, казаков, это была внешняя война, защита и борьба за свою территорию и возрожденную казачью государственность. Вы, русские белые и русские красные, в конце концов, найдете общие точки к соглашению и сговору между собой и примиритесь, мы же, казаки, не прекратим борьбы с русскими оккупантами, пока не освободим от них нашу Родину и не восстановим возрожденной в 1918 г. Казачьей государственности в едином, объединенном союзном казачьем государстве Казакии. Вы, младороссы, считающие себя русскими националистами, оторвавшиеся от русской нации, возглавляемой Сталиным, уже имеете с ним общие точки соприкосновения в самом главном и основном, а именно в конечной цели, в конечном идеале: идеал Сталина и ваш — Единая Неделимая Россия. Представьте, меня ничуть не удивило сообщение в русских газетах о свидании главы вашей партии Казим Бека (не правда ли, какая чисто русская национальная фамилия!) с агентом Сталина. Значит, нечему будет и удивляться, если русские «белые» националисты найдут практически общие точки соприкосновения с красными русскими националистами для осуществления их общего идеала, их общей конечной цели...

При последних словах Джигита младоросс даже вскочил с кресла, затем снова сел. Джигит умолк, видя нетерпение младороссского князя.

— Но ведь в газетах описывалась не сцена свидания, а сцена шпионства, — начал он, с признаками возмущения. — О самом свидании нельзя сказать подробнее фразы: «Тогда то и там то глава младороссской партии Казим Бек встретился и разговаривал с советским дивизионным генералом и начальником военных школ графом Игнатьевым в присутствии другого графа Игнатьева — старшего младоросса. А пятерым шпионам, которых газеты выставляют свидетелями свидания, известно содержание беседы Казим Бека с гр. Игнатьевым? Ведь содержание их беседы важнее факта свидания.

— Да к чему мне содержание их беседы, князь, — возразил Джигит. — Ведь, приведя этот, столь шумевший факт, я только хотел подчеркнуть, что как во время Казаче-Русской войны 1917-20 годов, у нас, казаков, не могло быть ничего общего ни с русскими «белыми», мечтавшими казачьими руками и кровью восстановить Единую, Неделимую Россию, ни с русскими «красными», шедшими на завоевание самоопределившегося Казачества и его Родины, так и теперь

у нас единая и неизменная национальная цель, толкающая и призывающая нас на великий и жертвенный подвиг во имя освобождения и возрождения нашей распятой Родины, подогреваемая и поддерживаемая глубокой и искренней верой, что «Добьемся мы цели заветной своей и будет свободной и вольной Казачья Отчизна от вражеских цепей».

В гостинную вошла жена хозяина дома и, пользуясь наступившим молчанием, пригласила гостей ужинать, обращаясь громко к присутствующим: — Господа, прошу пожаловать к столу.

— И то правда, — подтвердил хозяин дома. — соловья баснями не кормят, говорит пословица; и вы, рыцари зеленого поля, записывайте ваши ремизы да идемте кушать, — продолжал он, обращаясь к сидевшим, за карточным столом.

Джигит начал собираться домой и, обращаясь к ротмистру, сказал: Прошу простить, если я что либо сказал, что было не по душе Вам и Вашим гостям; вышло так, что я сегодня знакомил их с казаками, с нашим прошлым, нашими чаяниями и нашими идеалами...

— А знаете, сотник, ведь Вы сказали нам много нового о казаках, чего мы не знали и даже не предполагали. Правда, Вы нам преподнесли также и много неприятных пилюль, но в Ваших словах, надо сознаться, было и много горькой правды. Благодаря нашим с Вами встречам и разговорам о Казачестве и тем многим книгам по казачьей истории, что Вы одолжали мне для чтения, я до некоторой степени знаком с казаками и вашим национальным движением, а многие из моих гостей, как и большинство русских, думаю, знают о казаках очень мало. Ведь раньше мы казаков видели только на парадах в больших городах, видели и восхищались, как они лихо колят, рубят, джигитуют, видели, что они всегда красиво, чисто и опрятно одеваются и слышали их звучные и мелодичные песни. Этим наши сведения о казаках и исчерпывались. Мы даже не предполагали, что казаки могут о себе думать иначе, чем мы о них думаем, или считать себя не тем, чем мы, русские, их считали и представляли. Мы никогда даже мысли не допускали, что казачьи чаяния и идеалы не те, что у нас, русских. И однако, сотник, я Вас без ужина не отпущу: Вы останетесь у нас ужинать, тем более — я давно хотел, что бы Вы рассказали о своем выступлении с декламацией казачьих стихов на одном из периодических чаепитий в собрании русской местной колонии. В одной знакомой семье об этом рассказывала мадам Н. Если бы Вы знали, как она возмущалась! Воображаю, что с нею творилось, когда Вы декламировали, — закончил ротмистр.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Джигит. — И везет же мне на эту г-жу Н., ведь мне два раза уже пришлось с ней столкнуться; я не знал, что она большая поклонница Петра и его дубинки и в доме одной русской писательницы, в ее присутствии, проводя параллель между борьбой большевиков с религиями, и Петра с последователями старой веры, назвал его первым русским большевиком, указав на пример срывания им со стен и топтания ногами икон старого письма. Я уж потом был не рад, что коснулся этого вопроса, так как г-жа Н. от обиды за Петра позеленела от злости и пыталась мне что то возразить, но от волнения и обиды лишилась, видимо, дара слова и, простившись с хозяйкой, поспешила уйти.

— Да, Петр — это ее слабая струнка; она утверждает, что и сейчас Россию от большевиков можно спасти только Петровской дубинкой, — заметил ротмистр.

— Ну, Сталин со своим террором, кажется, заткнул за пояс и Петра с его дубинкой и Иоанна Грозного с его стальным наконечником, — заключил Джигит, снова пытаясь проститься с любезным хозяином.

— Нина! — крикнул ротмистр жене, скрывшейся в дверях в столовую с другими гостями. — Казаки отделяются и не хотят ужинать с нами.

— Нет, сотник, я Вас без ужина сегодня не отпущу, — громко говорила жена хозяина из столовой. — Если Вы уйдете, то в моем лице Вы наживете врага.

— Ой, ой, Нина Ивановна, я сдаюсь; я предпочту иметь сто врагов мужчин, чем одного врага в лице женщины, тем более такой милой, как Вы, — го-

ворил Джигит, появляясь вместе с ротмистром на пороге в столовую.

— Ну, вы, сотник, не очень то кружите голову моей жене, а то ведь я ревнивый, да и казаков знаю, что не делают промаха, когда стреляют, — говорил шуточно ротмистр, занимая с Джигитом места за столом, где уже сидели хозяйка и остальные гости.

— Ужин прошел весело и оживленно. В заключение, хозяйка предложила чай или кофе — по желанию. Хозяин дома и Джигит предпочли чай. Хозяин дома вспомнил и снова приступил к Джигиту, настаивая рассказать случай со своей декламацией казачьих стихов перед русской аудиторией.

Выпив чашку чая, Джигит начал:

— Видите ли, господа, за время нашего пребывания в русском подданстве, подвергаясь почти двухсотлетнему процессу обрусения, мы, казаки, не могли создать своей чисто казачьей литературы, с одной стороны, по причине суровой русской цензуры, глушившей все, не отвечавшее целям русской единой имперской политики, с другой стороны, потому, что русское правительство стремилось все творческие силы Казачества направить в русло специализации в военном искусстве для служебной роли России и, наконец, стремилось использовать и выдать за свои, русские, казачьи таланты во всех отраслях жизни. Преследуя свою обрусительную политику и борясь с казачьим сепаратизмом, русское правительство строго следило, чтобы Казачество не имело своей национальной интеллигенции, запрещая казакам увеличивать число средних и высших учебных заведений, посылая казачьих учителей, профессоров и священников в Россию и присылая в Казачьи Земли своих русских. Тех же отважных и сильных духом казаков, которые, несмотря на все это, пытались служить Казачеству и говорить и писать правду, оно подвергало гонениям, преследованиям и ссылками: такой участи подверглись историк Сухоруков, отважный казак-мореплаватель Дежнев, открывший и проплывший первым Берингов пролив, трудами которого позднее воспользовался Берринг, оставив наименование Дежнев только за мысом в память открытия отважного казака; полковник же генерального штаба Турчанинов избежал преследований, эмигрировав в Америку, где нашел, более признательную, родину, которая увековечила его военный гений и труды на пользу американского народа памятником. Однако, все это не убило и не заглушило полностью творческого духа Казачьего народа, а только задержало на время и накопило в народной душе могучую потенциальную творческую энергию, которая, раз освободившись, должна была проявиться во всей своей красе и мощи... Правда, в русском подданстве творчество казачьего духа проявлялось в его народной поэзии, сказках и песнях, передаваемых из рода в род, некоторые из них с ясно выраженным оттоком сепаратизма преследовались и запрещались русским правительством... Теперь там, на Родине, угнетенное русскими, Казачество, как и в прежнее время не имеет возможности выявить свое национальное лицо и проявить свое духовное творчество. Здесь, в эмиграции, несмотря на тяжелые материальные условия и лишения, Казачья мысль и казачий творческий дух, освободившиеся от русских духовных пут, могли проявить себя и мы, казаки, за два десятка лет тяжелой эмигрантской жизни создали то, что другими создавалось сотнями лет. Казачество заложило крепкое основание своей национальной литературы, разыскало и восстановило свою историю. Мы имеем свои казачьи журналы, своих казачьих поэтов, писателей, докторов, инженеров, профессоров, историков и т. д.

— Как вам известно, местная русская колония один раз в месяц собирается, так сказать, для духовного общения, — попить чаю и побеседовать. Обычно получал и я приглашения на такие чаи; я здесь, ведь, один казак, постоянно живущий... На эти чаи, обычно, собираются старые русские девы, вдовы, всевозможные графини, княгини и пр., все так называемые «бывшие», которых один мой знакомый иностранец называет архивной русской древностью. На этих чаях не очень то повеселишься или разговоришься, зато слушаешься французских разговоров и напешься вдоволь чаю. Иногда кто либо, большею частью председатель колонии, прочтет какой либо ли-

тературный доклад, приуроченный к юбилею какого либо русского писателя; или либо из молодежи, подающий надежды, споет кто сыграет на пианино, или кто либо из присутствующих прочтет какое либо стихотворение о любви, вспомнив свою молодость.

— Однажды на одном из таких чаев было только двое мужчин: председатель колонии, да я; все остальные принадлежали к представительницам нежного пола.

При последних словах Джигита лицо хозяина и некоторых из гостей осветилось веселой улыбкой и ротмистр заметил:

— Однако, вы, сотник, большой шутник...

Джигит, тоже весело улыбаясь, продолжал:

— Когда весь литературный русский материал, входивший в программу, был исчерпан, стихотворения о любви выслушаны и пережиты, а по домам еще рано было расходиться, всем вам известная Анна Петровна, которой я, как любительнице поэзии, иногда читал стихи наших поэтов из наших казачьих журналов, обратилась ко мне с предложением продекламировать что либо. Я отказался, ссылаясь на то, что знаю на память только казачьи поэмы. «Так что же с того», настаивала Анна Петровна. «Иван Ильич», обратилась она к председателю колонии, «разрешите казачку продекламировать что либо казачье». — «Пожалуйста, сотник, будем рады послушать», разрешил председатель... — «Я не стал больше отказываться и, сказав несколько слов в объяснение того, что хочу декламировать, начал поэму моего любимого поэта Павла Полякова: «Галина Булавина», где живо и красочно изображается борьба казаков за независимость Дона и зверская расправа русских войск и бояр с побежденными казаками. Против меня как раз сидела г-жа Н. Казалось, страшный гром разразился над ее головой и во все время декламации я видел устремленный на меня взгляд ее зеленых глаз, полных ненависти. Некоторые из присутствовавших демонстративно поднялись из-за стола и вышли. Не по душе пришлась им казачья поэзия. Я же, видя такое впечатление моей декламации, воодушевился и пришел еще в больший задор и последние заключительные строки поэмы, обращение к Дону:

«Пой, Родимый, а я подпеваю,
Песней буду свободе служить;
Наши деды за степь умирали,
Мы ж сумеем бороться и жить...»

прозвучали, как вызов всем врагам Казачества. Само собой разумеется, я не ожидал аплодисментов в награду. Обведя взором лица этих, считающих себя образованными и интеллигентными людьми, прочел в их взглядах такую бездну непримиримой злобы к нам, казакам, что пожелал, что не изобретен еще аппарат, которым бы было возможно запечатлеть те взгляды единоверных русских сестер в мой адрес, дерзнувшему открыть им словами талантливого казачьего поэта правдивую страницу черной истории о злодеяниях их великого царя, чтобы после их, как доказательство «симпатии» и миролюбивого отношения к нам русских, преподнести «на предмет размышления» тем из казаков, которые, сбившись с казачьего исторического пути, ушли на Московскую дорогу и подпирают разные русские партии и организации.

— Правда, председатель колонии поблагодарил меня при прощании за декламацию, заметив, однако, что поэма написана талантливо, но очень резко критикует русских бояр и Петра Первого.

— Да, русские здешней колонии не любят Вас и скрепя сердце приглашают Вас на свои чаи, — заметил обрусевший украинец и затем добавил: — Все в колонии не понимают и удивляются, почему Вы до сих пор не состоите ее членом, а полковник Х., возглавляющий местную группу Общевоинского Союза, с возмущением рассказывает, что Вы отказались записаться в его группу, ссылаясь на то, что Вы казак и ни в какие русские организации не входите.

— Да к чему нам, казакам, русские организации, когда мы всегда были организованы и в эмиграцию ушли организованными с нашими атаманами, консти-

туциями и законами. Правда, наши обрусевшие атаманы принесли Казачеству много зла, изменив ему и служа русским интеллигентам, да и сроки, на которые они были выбраны, уже давно кончились. Казачество, здраво разобравшись в своем ошибочном выборе, постепенно оставляет их. Сейчас все национально мыслящие казаки организованы вокруг своего Походного Атамана — национального вождя Казачества И. А. Билого и национального печатного органа, журнала «ВК»

— Ну, сотник, видел я этот ваш национальный журнал и даже перелистал несколько номеров, и ничего, хорошего написанного о России, не нашел, — заметил младоросс.

— Что же Вы хотите, князь, ведь есть же у вас, русских эмигрантов, газета бр. Солоневичей, издающаяся в Болгарии, «Голос России только о России», и мы, казаки националисты, не претендуем, чтобы там писалось хорошо о казаках или вообще что либо писалось о нас. Почему же «ВК» должно писать и заниматься не о Казачестве и казачьими делами, а о России и заниматься русскими делами? Правда, есть и у нас журналы по виду и по названию казачьи, а по содержанию чисто русские, издающиеся казачьими руссофилами, льющие горькие слезы о России и русском народе, который во славу Ш интернационала уничтожает Казачий Народ. И поверьте мне, когда такие журналы русских казаков попадают в руки казака, то он, прочтя его, глубоко задумывается. В мыслях его живо встанут картины кровавых боев с русскими красными и наглый обмен русских белых вождей и предательство своих атаманов и он с горечью покачет головой...

— А что, сотник, Вы и сейчас помните ту поэму, что декламировали русским? — спросил хозяин дома.

— Коненчо, помню — и ту, и другие поэмы наших казачьих поэтов, — ответил Джигит.

Чай давно уже был отпит, курящие, с разрешения хозяйки, курили, слушая разговаривающих. Хозяин начал настойчиво просить Джигита продекламировать поэму, говоря: Вы знаете, что мы к Вам лично не питаем ни злобы, ни ненависти, хотя тоже русские и не разделяем всех Ваших взглядов на Россию и русскую эмиграцию. Мне, да думаю и другим, нравится хорошая поэзия и я хочу сам иметь суждение о ней.

— Ладно, — согласился Джигит, и, обведя взглядом присутствующих, тонувших в клубах табачного дыма, начал декламировать поэму «Галина Булавина».

Все гости внимательно слушали выразительную и воодушевленную декламацию Джигита и, по окончании, хозяин дома, после некоторого молчания, в раздумьи произнес: Действительно, чудная поэма. Думаю, под такими стихами и Пушкин не прочь бы был подписаться.

— Не думаю, — ответил Джигит. — У придворного поэта, я думаю, не хватило бы мужества подписаться под исторической правдой. Он предпочел бы извратить историю, как он сделал это в своей поэме «Полтава», изобразив Мазепу изменником, а не национальным героем, каким он был в действительности и остался в сердце, душе и сказаниях Украинского Народа, — закончил он. Затем, справившись со своими карманными часами, Джигит заявил:

— Однако, господа, уже поздно, а я живу в деревне... — И начал собираться домой.

Поблагодарив любезных хозяев и простившись с гостями, ушел домой. Всю дорогу в трамвае и после, шагая по тускло освещенным пустынным улицам деревни, Джигит мысленно переживал и снова передумывал все в этот день слышанное, виденное, сказанное и, укладываясь спать, заключил вслух: — Нет, только надеясь на Всемогущества Юга, да на самих себя и свои силы, сплотившись в единую казачью семью-государство, отделившись от ненасытной России, распоряжаясь и эксплуатируя сами все наши несметные богатства, находящиеся на нашей территории и в недрах ее, мы, казаки, сможем мирно жить, трудиться и развиваться, стремясь преувеличить свои национальные ценности.

И видел в эту ночь Джигит волшебный, дивный сон...

Ген. И. КОНОВОДОВ.

Залежавшийся товар

Оказывается, что еще 4-го декабря 1937 г. несколько казаков в Берлине, под председательством атамана станицы, полк. **Попова** (совершенно для меня неизвестного, повидимому, донца), не то руководимые жадой к мучениям себя и других, не то устремленные к скорейшему оповещению «неопровержимых» истин, но так или иначе, вынесли «единогласно» приговор № 20.

В приговоре этом, написанном Красновским стилем, имеется ровно 20 пунктов и примечаний с изложением «истин» возрождения Казачества, а именно:

1. Считать создавшееся положение у Гундоровцев фактом печальным и не достойным казаков.

2. Ген. Коноводов — плебей духа, ушел на службу к врагам России, но гибель жидовско-коммунистической власти близка.

В этом пункте есть знаменательные слова, особенно необходимые для пострадавшего Казачества в изгнании: «близко торжество Правды» (с большой буквы) и — «останутся (считая подписавших приговор) непоколебимые духом и непобедимые»...

«Воскреснет Россия и в ней Казачество — со своими выборными Войсковыми Атаманами и со своим казачьим самоуправлением».

3. Горячо приветствовать ген. Абрамова за отчисление ген. Коноводова.

4. Журнал «Вольное Казачество» с идеей отделения казачьих земель от России не соответствует казачьим интересам».

5. Полк. Шевырев — демагог, бунтарь, действует под влиянием «каких то ветров»...

Говорится долго, а главное, нудно и несвоевременно о государе, монаршей милости, о чинах, о чистоте полковничьих погон, присяге царю, упоминаются святые имена Каледина и Назарова и пр.

Приговор начинается в печально-лицемерных тонах, в которых абсолютно не нуждаются Гундоровцы, а заканчивается безудержной, неизящной руганью, так далекой, как звезды неба, от той офицерской этики, о которой намекает автор, подписавший приговор, или тот «советник», кто подsunул этот нелепый приговор для подписи.

Предназначался этот «шедевр литературного искусства» для «Атаманского Вестника», что видно из п. 6 — «просить Донского Атамача гр. Граббе», и для поражения Коноводова и Шевырева, а с ними и всех вольных казаков, как, повидимому, и для получения, если не монаршей, то сиятельной милости.

Ожидания не сбылись: в течении пяти месяцев не совершилось этого оглушительного события:

В «Атаманском Вестнике» не напечатали.

Долго бродило по свету это «детище» берлинских казаков в поисках себе приюта и, наконец, обрело и кров, и дом, но больше похожий на странно-приемное убежище: этот залежавшийся товар отпечатали в журнале, называется он: «Кавказский казак».

Под этой вывеской, как это ни странно, хранятся жалкие остатки былого кубанского «величия» г.г. Науменко и Соламахин.

Но, почему Кавказский, а не Персидский, Турецкий, Туркестанский, наконец, Сербский казак? Ведь в этом смешном домике ни звука не говорится о Кавказе, а склоняется только во всех падежах «кубанский казак» и «матушка Россия», да спрягается во всех глагольных переливах об арестах самостийников — «врагов русского народа».

Словом, какими тактическими соображениями руководились сии герои нашего времени, назвав свой журнал «Кавказским» — остается пока тайной. Все же, было бы честнее и правильнее назвать его «Русский казак», благо налицо в Париже проживает надежда возрождения России с красной армией во главе, — бывший «диктатор» Юга России и незабвенный друг ген. Науменко по повешению Кубанских патриотов А. И. Деникин. Он, конечно, не откажет в санкционировании названия журнала «кубанских вождей» — «Русский казак».

Мне не хотелось бы затрагивать этого посторон-

него вопроса, но раз уж эти «вожди» печатают различные оскорбления в адрес Гундоровцев, то это дает и мне право отвечать такой же монетой.

Итак, в порядке следования поэтического полета приговора берлинцев, сперва побеседуем с кубанцами, благо — мы к ним подошли уже в плотную, а затем вновь возвратимся «на круги своя» донские.

С глубокой грустью гундоровцы наблюдали за первым действием кубанской трагедии там, на казачьих просторах, где русский «богоносец» жег наши станицы и хутора. Болью в сердце отзывались донесения с фронта о том, что армия доблестных кубанцев, под влиянием слухов о расстрелах и повешении кубанских народных избранников в Екатеринодаре, постепенно тает и уходит по домам. Но особенно тяжело было, что исполнителями и палачами своих родных братьев были г.г. **Науменко** и **Покровский** (последний, поднявший меч, от меча и погиб).

Второе действие мы наблюдали здесь. Типы Ломброзо — рецидивисты, один раз втянувшись в преступление доносов, арестов и пр., будут тянуться и дальше к тому же первоисточнику зла: убийству своих братьев казаков. И когда г. Науменко говорит об арестах казаков в Белграде во главе с Походным Атаманом, которого он именует «называющий себя Походным», то чувствуется, что аресты и страдания казаков в Белграде, организованные русскими «специалистами», приносят ему, называющему себя Кубанским Атаманом, нескрываемое наслаждение.

Я намерено пользуюсь словами, кто как называет себя и других, для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, а именно: инженер Билый действительно избран вольными казаками и ими же назван Походным Атаманом.

Ген. Науменко избран был на о. Лемносе, ушедши от расправы русских «братьев» кубанцами в Атаманы, сроком на четыре года, и назван был тогда Кубанским Атаманом.

По истечении предназначенного пребывания на своем посту, каждый уважающий себя казак слагает с себя полномочия. Но, прошло уже 14 лет, а проявления г. Науменко самого элементарного приличия проявлено не было. И Кубанским Атаманом его теперь можно называть так же, как сошедшего давно в могилу президента американских штатов Вильсона, с той только разницей, что один вешал казаков, а другой взывал к братской любви и миру всего взбаломученного мира.

И когда г. Науменко с неприязненным чувством говорит в сторону обличающего его Филимонова: «обстоятельства, которых он коснулся в своей статье, подлежат подробному исследованию будущего историка», то хочется в утешение сказать ему, что историк, когда говорит об императорах, королях, диктаторах, о жизни того или иного народа, его прогрессе или падении, то, обычно, о палачах не говорит. И какой же историк будет касаться палачей или убийц кубанских народных избранников в эпоху ничтожнейшего «диктатора» Деникина?

На фоне затихлой, пронизанной предательством верхов кубанской атмосферы, однако, блещит своей благородной сединой, и выступает величаво матерой казак ген. **Конунько**. В фигуре этой сконцентрированы лучи былых эпох славного, свободного казачьего народа. В нем сказывается глубокая любовь к казачьей и Вера в его свободное существование. Он бережно хранит регалии казачьей славы и дай Бог ему бодрости донести их на свободную Кубань. Нам же, донцам, приходится тяжело вздохнуть о коварстве физических законов заграницей: золото, серебро, сундуки, тяжелые предметы — все... испарилось. Этого, повидимому, и побаивается доблестный ген. Конунько — бережного Бог бережет; а вдруг станут проветривать, а регалии со случайным вихрем умчатся в даль!

А пока, распрощавшись с белградцами, обратимся мы к берлинцам.

Если по-прежнему атаман станицы «непобеди-

мый» Попов пребывает в туманностях высот в одиночестве или, может быть, в приятельском сообществе «авторитетного» лица, чтобы воззрив на брэнную землю, провозгласить оттуда правду с большой буквы, мы подойдем поближе к братьям казакам берлинцам, которые «единогласно» постановили, но подписей своих, в назидание не только Гундоровцев, но, главное, своему и других потомству, не обнародовали...

Во-первых, мне хотелось бы спросить о том секрете, который хранится лишь у берлинцев и который дает силу непобедимости? Уже 20 лет мы пребываем в стане побежденных и победить лишь сможем, тогда, когда зажжем огонь в душах наших о своем родном, многогосударственном и кровном Казачестве, о его свободном житье в своей объединенной державе на берегах красивых родных рек Дона, Кубани, Терека, Волги и Урала. Вы же как будто собираетесь спасти русский народ от... русских. Просит ли он вас об этом?

А между тем с родных полей плач и стенания изнасилованных дочерей наших гулко разрастается, но как будто не терзают они сердца ваших.

Как видите, в перспективе два зайца: ваша ставка на русака, наша — на казака. И пока мы не втянулись в своей погоне в чашу леса споров, не лучше ли вам и не честнее ли, назвав уже себя русскими, совершенно отказаться от имени казака? Тогда будет ясно: вы — русские, мечта у вас о воскрешении России, которая, безусловно, не потерпит государства в государстве, и ваш детский лепет о «своих Выборных Атаманах со своим казачьим самоуправлением» будет делять слух, лишь вам подобный...

Вы пишете: «сроки близятся». Кто их назначил? Вы ли совокупно или ваш атаман? Каким способом эти сроки вы сократите? Предположим, на миг, что многие приобщатся к вашей вере, хотя бы с малой буквы, в непобедимость и пробивную способность вашего приговора № 20, что вы уничтожили пледя духа Коноводова, превратили в порошок бунтаря и подлека (как вы изящно выражаетесь) полк. Шевырева и, в целях экономии, вследствие кризиса на кули, завернули их в тряпку и бросили в воду. Ну, а дальше? Как быть с товарищем Сталиным, который стоит во главе советской империи? Придется издавать или приговор № 21-й, или искать «попучиков»...

Кто же ближе к вам? В первую очередь, «русский общевоинский союз. Но там совсем не благополучно: дроздовцы бросили его и ушли с ген. Туркулом во главе...

«Венец создания» корниловцев ген. Скоблин так блеснул яркой кометой предательства, что страшный с почерневшим лицом Иуда кажется перед ним мальчиком. Были во главе Союза уже шесть персон: **Корнилов:** — казак — пал героем. **Деникин** — благоденствует. Отличался самоотверженной борьбой не столько с красными, сколько с Казачеством... **Врангель** (из варягов!) — победитель Кубанской Рады, дал, правда, и несколько блестящих боев большевикам, но «во имя культуры и цивилизации», напрасно зывал к глухим и слепым Европы — умер, а может быть и отравлен...

Кутепов — был храбр. Знарок гауптвахты и арестных домов. Предан своими же. **Миллер** — тоже.

Абрамов — казак, достиг, казалось, высокой власти, как «объединитель» русских и казаков, но в самый торжественный момент, когда «сроки близились», бросил высокий пост «главнокомандующего» и скрылся за фигуру болгарского министра внутренних дел.

Сроки воскресения России (и как вы всегда пишете) Казачества ушли в неведомую даль. Повидимому, вы, берлинцы, всему виной. Не нужно свои приветы доводить до высокой температуры: может быть горячка или политическая смерть.

Вот вы и остались без «вождя» сиротами русскими...

Остаются еще кое какие элементы русского расееия: младороссы с его величием местоблюстителем престола, о монарших милостях коего мечтает так сладко ваш атаман, но они все во второй советской партии... Радикальная интеллигенция? Она почти вся в оборонцах...

Как видите, поневоле приходится запевать «Пара гнедых».

Блеснет, может быть, мысль о «чужих и сильных», но — ваша сильная Россия никому не нужна, не толь-

ко этим «чужим», но и своим, как тюрьма народов. Хотя вы, а вернее ваш атаман, и считаете себя непобедимыми, но ведь побед то ваших не видно... Каждый день казак в неволе, в тоске по своей безбрежной степи, ищет не русачьих, а казачьих путей...

Вы ссылаетесь на старейшего казака **Краснова**. Мне не хотелось бы касаться личности этого яркого когда то казака потому, что Гундоровцы считали его всегда своим, но упорное его нежелание работать с казаками, а писать против казачьих патриотов, как бы из прекрасного далека на страницах неказачьих изданий, заставляет меня отметить это. Так, напр., в № 95 газеты «Голос России» (органа И. Солоневича) было отведено место для дряхлеющей мысли П. Н. Краснова. Его тяготят две заботы: 1) Казаки не едины и 2) гр. Граббе — соль земли казачьей.

Я не буду касаться пока «второй заботы» уже по одному тому, что гр. Граббе приговор № 20 не поместил в «Атаманском Вестнике» и, таким образом, выявил молчаливое порицание его авторам.

Будем говорить о заботе № 1-й.

«Ах, если бы у нас было единение!» — восклицает автор. «Создать бы какой нибудь крепкий союз, всем заговорить одним общим языком любви к Дону. Явился бы у нас свой Гитлер или казачий Муссолини, собрал бы нас во-едино. Пошли бы за ним, куда он нас поведет. Впряглись бы за ним в свою колесницу славы казачьей»...

Если бы казачья мысль, отточенная шипами прошлой жизни, не приучилась сразу познавать, где мечта, где разум, а где поза и рисовка, то в строках только что приведенных тирад, душа националиста-казака нашла бы минутный отдых. Но за красивым фасадом этим исчезает Дон и почтенный автор, возвратившись в мечте на Родину (неизвестно какую), окруженный подсоветскими казаками малолетками, перед тем, как ответить на их вопросы, думает: «Говорить им о ненависти к Москве, о создании Казакии, говорить им, выносившим кровью тысяч мучеников за эту Россию свою мысль, как о великой и сильной Родине... Камнями побьют... — Верно, побьют и выбросят вон, как мусор, если говорить им о сильной Москве, с ее жестокостями, насилием, с ее Соловками, Сибирью и каналами... Подвалы Чека, безбожие, разврат»...

В этих двух картинках проходит и насквозь виден русский человек Краснов. Здесь нет раздвоения Души, что так ярко выразилось у Каледина, нет даже красивой мечты о родном и близком Доне, а есть феерия красивых слов, искусственный туман риторики о доблести и крови, о казачьей славе...

Но все эти непревзойденные духовные красоты казачьих нужны Краснову не для величия Казачества, а только для России, а Казачество — навоз для утучнения ее полей...

Дальше он говорит откровенно: «Станешь ты номером передней или задней шеренги, изгнанническую дурь придется выбросить из головы, но вздумашь спорить или проповедывать свои теории — расправа короткая»... — Стенка, очевидно, как венец творения Москвы!

На горестное, якобы, восклицание «казака» Краснова о казачьем Муссолини я, для утешения берлинских казаков, продолжу мысль «старейшего»:

Среди казаков, могучих сынов Степи, были, есть и будут не только один, а, может и больше Гитлеров и Муссолини. Но, ведь, достаточно лишь было бы нашему Муссолини поднять свой голос, как сразу же «старейший» первый оклеймит его при помощи «непобедимых» или лично, а ген. Науменко тотчас же такого Муссолини вздернет на веревку... Пойдете ли вы за ним? «Впряжестесь ли за ним в колесницу казачьей славы, когда он будет болтаться на перекладине, вашим же другом по оружию повешенным?»

Судьбе угодно было один раз предоставить ген. Краснову возможности быть казачьим Муссолини, когда Петербург шумел уже кроваво, а Крымов застрелился. Но, талант проникновенного слова, данный казачу Краснову Богом, поблек внезапно, когда глухое молчание охватило корпус...

Актер и театр одно, а жизнь, где требуются жертвы, — совсем другое...

Но вот шумит уж родной Тихий Дон. Слетаются туда орлы казачьи; туда же несутся и стаи всякого воронья с жаждой власти и сытой жизни...

Не дает, обычно, жизнь переэкзаменовок, но судьба еще раз дала Краснову возможность стать казачьим Муссолини, красиво управлять, творить и жить среди непревзойденного во всем великом мире казачьего народа. И ген. Краснов, когда еще не было угроз, нашел слова: «Передайте ген. Пулю (представителю Англии при Добармии), что я являюсь выборным главою 5-ти миллионного народа. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни аммуниция. Он убрал от себя большевиков, завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично... Это говорил суверенный Атаман. Ну, а затем? — Затем Деникин прикрикнул и подписал «суверена» появилась на соглашения... И прав был ген. Денисов, заявивший прямо Атаману: «Вы подписываете себе и Войску смертный приговор»...

А родные Гундоровцы шли на смерть и на жертву. Гробы все двигались в станицу. Тоска и грусть охватила всех. Веселых лиц не видно. Слезы вдов и сирот орошали землю... Пароход с попутным ветром уносил Краснова в прекрасные дали, а полк. Шевырев восьмой раз уже омывался кровью и падал не от ветра берлинцев, а от пудь «богоносца». И когда в лицо его бросают сейчас грязные обвинения — ущемляется душа невольной и скорбит за тех братьев казаков, которые за погоню не видят жизни и ее страданий, не

учитывают своих, только лишь вчера содеянных грехов, клеймят других лишь за то, что они имеют высокое гражданское мужество говорить правду в лицо не только людям, но и костлявой смерти...

Лично мне не только морально, но даже физически больно, когда я читаю строки вчерашнего Донского кумира в той же статье «Голоса России»: «Как же быть с конституцией?»... «Полно вздор говорить! Донская конституция написана наспех в 1918 году Войсковым Кругом»...

Что это? Смех? Издевательство? Низкопробное актерство или старческий мараз?

Если Атаман и Войсковой Круг писали наспех конституцию дешевыми чернилами, то все доблестное Казачество клало свои головы на все четыре стороны за свою казачью волю, а не за Россию, которая под кнутом еще вчера пела «Боже, Царя храни», а сегодня «всенародно» поет интернационал...

Казачи должны идти «единым казачьим мощным фронтом, не думая ни о каком пораженьстве» старых, выветрившихся актеров — для освобождения только своей казачьей Степи, для создания единого Казачьего Государства — **Казачи**.

Это — прямой путь, цель и смысл нашей жизни и только на этом пути и возможно единение казаков.

ИВ. КОВАЛЕНКО (Скүбани).

Стихи Н. Туроверова

(БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).

Передо мною маленький сборник стихов **Н. Туроверова**, вышедший в свет в прошлом году. Стихи написаны живым, образным языком и производят хорошее впечатление, но... как во всем, в них есть также свое «но», на которое я и хочу обратить внимание автора. Однако, прежде чем приступить к беглому обзору книги, я позволю себе сделать небольшое вступление, необходимое для того, чтобы читателю были более понятны некоторые требования, предъявляемые мною к казачьим поэтам вообще и, в частности, к разбираемому сборнику ст. Н. Туроверова.

Во второй половине прошлого столетия, в поэтических произведениях мировой литературы, наблюдалось два течения: некоторые поэты следовали принципу «искусство для искусства» (за границей — «парнасцы»), другие считали, что поэзию необходимо прилечь для служения определенным идеям, заставить ее выполнять роль будильника, который резким звонком возвещает о наступлении часа пробуждения. Второй вид поэзии известен под названием «тенденциозной», т. к. в ней находили отклик насущные вопросы, бился пульс жизни данной минуты. Такая поэзия была более содержательна: она служила и красоте, сохраняя свою музыкальность и образность, и в то же время посвящалась намеченной идее.

Преимущества «тенденциозной» поэзии бесспорны и в наши дни, почти у всех народов, она является преобладающей.

Следя за появляющимися в печати произведениями казачьих поэтов, не трудно заметить их тенденциозность (за очень малым исключением). Иначе и не может быть. К тенденциозности поэзию, да и всю литературу, должно побуждать современное положение Казачества, когда одни еще не вполне осознали себя и не совсем ясно представляют свободную жизнь без всякой посторонней опеки, а другие никак не могут отделаться от идеологии, усвоенной за долготнее пребывание в составе рухнувшей империи, в которой из поколения в поколение, русскими историками намеренно распространялась неправдивая версия о происхождении Казачества от беглых крепостных мужиков, а доблестные подвиги степных рыцарей сводились на уровень разбойничьих набегов. В задачу руководителей зарубежного Казачества входит воссоздание самостоятельного, независимого Государства и воспитание казачьих масс в духе славных дедовских традиций, а потому в эти тяжелые годы необходимо призвать все литературные казачьи силы для служения казачьему национально-освободительному делу. С точки зрения

высказанных соображений мы и начнем разбор предложенной книги.

Вся книга разделена на три части. Стихи первого отдела посвящены воспоминаниям о жизни, проведенной на родных просторах и изобилуют красочными степными идиллиями. Однако, поэт (как в первой, так и в остальных частях) не дает законченных картин, а рисует, если можно так выразиться, в духе современной живописи — «мазками». Эту туманность и отрывочность следует отнести к промахам автора, которому на это не мешает обратить свое внимание и уделить больше времени на разработку затрагиваемых тем и на корректуру произведений. Без этого получается не цельное впечатление и, несмотря на баюкающую мелодию и безупречный скандирующий размер (преобладает ямб и анапест), стихи первого раза не совсем понятны неопытному ценителю, приходится напряженно искать ту мысль, которую автор вложил в то или другое свое стихотворение.

К техническим недостаткам относится отсутствие заглавий или звездочек в начале стихов и какой-либо черточки в конце.

Но, будем снисходительны к промахам, ибо их не так много, и я уверен, что они вскоре совершенно устроятся и новые произведения ст. Туроверова будут обладать ясностью и определенностью...

К несомненным достоинствам стихов надо отнести разлитую в них сердечную теплоту, искренность и нежную любовь к ароматной донской степи, к станице и к своим родным, в особенности к отцу, погибшему, повидимому, в огне российской революции.

Чтобы иметь представление о художественном вкусе поэта и его умении образно выражать свою мысль, нужно прочесть полностью весь сборник, в ограниченных же рамках статьи я приведу лишь небольшие отрывки стих. «Утпола», в которых картинность языка невольно привлекает внимание читателя:

Утпола — по калмыцки, — звезда,
Утпола — твоё девичье имя.
По толокам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.
Ни дорог, ни деревьев, ни хат.
Далеки друг от друга улусы
И в польнь азиатский закат
Уронил свои желтые бусы.

Кочуя по Задонью в июньскую жару, поэт решил заночевать у Утполы.

Сообщая о своем желании, он ей говорит:

«Не прогонишь меня без отца,
А отец твой уехал к соседу, —
Как касается ветер лица,
Так неслышно к тебе я приеду.»

Следующие две строфы я пропускаю и привожу последние слова:

«Утпола, ты моя Утпола,
Золотистая россыпь созвездий —
Ничего ты понять не могла,
Что тебе я сказал при отъезде.»

Великолепное стихотворение, но оно могло быть еще лучше, если бы поэт разработал подробнее тему, избегав, т. обр., резких переходов от одной мысли к другой.

Второй отдел отражает пережитое в годы Казачьей войны (бои, походы) и страдания в изгнании. Поэт описывает разные эпизоды, но в его словах чувствуется явная раздвоенность мысли и нелогичность. Например, наряду с горячей любовью к Дону, к казачьей степи, попадаются, будто искусственно вставленные, слова о России, в роде:

Мы отдали все, что имели
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской мятели
Степной за Россию (?) поход.

Или же в другом стих. «Одних уж нет, а те дале-че» высказывается сожаление:

«Все меньше помним о России,
Все реже думаем о ней...»
и предсказание о том, что:
Разлюбим скоро и забудем
Все то, что связано с тобой! (Россией).

Автор с грустью констатирует бесплодность эмигрантского существования и удивляется тому, что:

...Мы живем,
Все что-то ждем
И песни старые поем
Во имя русского размаха,
Во славу легендарных лет,
Давным давно которых нет.

Такое раздвоение сказывается губительно на складе души поэта и толкает талантливого казака в пучину отчаяния:

«Больше ждать, и верить, и томиться,
Притворяться больше не могу....
Древняя Черкасская станица —
Город мой на низком берегу
С каждым годом дальше и дороже...
Время примириться мне с судьбой.
Для тебя случайный я прохожий,
Для меня, наверно (?), ты чужой.

Как на более яркий пример раздвоения души, укажем на стих. «Они сойдутся в первый раз» и постараемся взглянуть в его смысл. В нем говорится о Божьем суде во время второго пришествия Спасителя, когда «сам архангел Михаил, разрубит плен (!) донских могил:

«На этот суд явится и Ермак и

В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдет с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд;
Булавин промелькнет Кондратий;
Открыв кровавые рубцы,
За ним, — заплата на заплате, —
Пройдут зипунные бойцы.»

В приведенных строках чувствуется симпатия к названным именам, сочувствие их идее (Разин не опустил пред Богом вежд, ибо он умер за правое дело) и осуждение их палачам, иначе, упоминание о «кровавых рубцах» и о «тоске несбывшихся надежд», было бы излишне. Таков логический вывод.

У автора, повидному, на этот счет другое мнение. Он склонен утверждать, что казненный Разин, Булавин и др. «воры» и «изменники»:

«Стерegli Русь во тьме столетий
Пока не грянула пора
И низко (?) их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.»

Далее перечисляются Платов, Бакланов, Греков, Иловайский и другие:

«Все те, кто славу казака
Сплета со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой.»

Коснувшись революционной поры, поэт не забыл и Каледина, который

«Пройдет средь крови и отрепий (!)
Донских последних (!) казаков.
И скажет Бог: «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь.»

Св. Николай и «пламенный Егорий» заступятся перед Богом за казаков, указывая Ему на то, что «был тяжкий крест им в жизни дан». Стихотворение заканчивается красивым аккордом: казакам прощаются все грехи:

И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжелый шелк Его одежду.

Нельзя обойти молчанием и стих. «Миную грозных стен Азова», где живо запечатлены быт и нравы казаков 17-го столетия и подчеркнута характерная черта удачных бойцов — религиозность. Казаки после набега на турецкие берега возвратились в Черкасск и тут:

Прежде, чем делить добычу,
Лучший камень и ковер,
Блюда прадедовский обычай,
Несли торжественно в собор.
И прибавляли вновь к оправе
Икон сверкающий алмаз,
Чтоб сохранить казачьей славе
Навеки ласку Божьих глаз.

Цитированное стихотворение, по моему мнению, — одно из лучших. Оно без оговорок близко и понятно казачьему сердцу и на разработку таких именно тем следовало бы автору употребить всю силу своего таланта.

В третьем отделе симпатичны лирические произведения. В них мастерски отделанным стихом поэт выразил свое минутное настроение, навязанное или случайной встречей или явлениями природы. Для примера возьмем стих. «Слились в одну мои все зимы». Тут слух читателя пленяют прелестные метафоры, олицетворения и удачные аллегории. Тут крупинками блестящего золота рассыпаны слова любви к своей родине, описание донской зимы, казачьего радушия и гостеприимства («и в каждой хате, ради Бога, готов мне ужин и ночлег»). Но, в мелодию чарующей музыки, вдруг врывается грубый диссонанс:

«Я помню улицы глухие,
Одноэтажные дома...
Ах, только с именем — Россия,
Понятно слово мне — зима!»

И впечатление, произведенное хорошим началом стихотворения, под конец исчезает, оставляя в казачьей душе горький, неприятный осадок и вызывая недоуменный вопрос: «причем же тут Россия, когда речь идет о нашей донской станице?...»

Есть еще стихи, над которыми, мы могли бы остановиться, указав на их достоинства и погрешности, но из опасения, что статья утомит читателя, на этом закончим.

Хотелось бы верить, что в душе автора разобранного нами сборника казачье начало, все таки, возьмет перевес над русским и в скором времени он горячо отзовется на вдохновенные слова, сказанные когда-то «неизвестным» депутатом Донского Войскового Круга: «Братцы! пригребай к своему казачьему берегу!» и подстроив некоторые фальшивившие, до сих пор, струны своей поэтической лиры, запоем новые песни... Бодрые, страстные. Песни про славное прошлое Казачества. Песни о грядущей казачьей Воле... Хотелось бы верить, что он найдет свое настоящее призвание, свой затерянный казачий путь и из его груди уже никогда

не вырвется крик, полный отчаянья и мучительной тоски:

О, Боже, как я одинок,
Какие выпретенные речи,
Как мертво падают слова,
Как верим трудно мы и плохо...

Он обретет радость служения своему страдающе-

му на чужбине брату-казаку и, сам проникнувшись глубокой верой в торжество Правды и Справедливости, бойщей песнею будет поддерживать в них неугасаемую Любовь к распятой **Казачьей Родине** и проповедывал о близком Ее освобождении из-под ненавистного ига.

Май, 1938.

Иностранцы о русской эмиграции и аресте Походного Атамана

Две итальянских газеты: «Газета ди Венеция» и «Веронская Арена» 20 прошлого апреля под заголовком «Просачивание большевизма в русскую эмиграцию» напечатали одновременно такую статью:

«Существует в Европе и вообще во всем цивилизованном мире очень распространенное мнение, которое рассматривает русскую эмиграцию, по преимуществу, как образец антикоммунизма. Однако, некоторые факты, время от времени засвидетельствованные, подрывают веру в искренность исповедания антибольшевизма многими кругами этой эмиграции.

«Среди эмигрантских организаций существуют сильные политические группировки, которые, будучи по существу противобольшевистскими, считают, что лучшим способом борьбы с этим бичем было бы отделение от России национальностей и областей, которые проявили и подтвердили свое решительное противобольшевистское убеждение и отрицание коммунизма в период кровавой борьбы, которую они вели против красной армии между 1919 и 1921 годами. Эти группы составляют украинцы, казаки, горцы, татары и др., которые все вместе представляют добрую половину Советского Союза по территории и по населению.

«Для беспристрастного наблюдателя, казалось бы, вещь вполне нормальной объединение всех сил противобольшевистских элементов эмиграции для борьбы с общим врагом, отложив сведение своих партийных счетов, которые совершенно Европу не интересуют, на более позднее и удобное время. Но факты свидетельствуют, что русские эмигранты думают и рассуждают не так. Ясным доказательством и подтверждением этому служат события в Белграде.

«Инженер **Игнат Билый**, Атаман Вольных Казаков, недавно был арестован в столице Югославии во время объезда им своих организаций, которые он ободрял бороться с большевиками до конца за освобождение своей Казачьей Родины. Отправленный в тюрьму без какого либо определенного и ясно сформулированного обвинения, он был отдан в распоряжение некоего Губарева, бывшего Деникинского офицера, принявшего югославянского подданство, который встретил Атамана такими словами: «Хорошо! Так как Деникину не удалось там перевешать всех вас, то сделаем это мы здесь...» (Этим он намекал на прошлый факт, когда Деникин приказал повесить священника А. И. Кулабухова, одного из политических вождей Кубанских казаков, что повлекло за собой возмущение казаков и оставление ими противосоветского фронта).

«После этого, как сообщает журнал «ВК» от 10 апреля, инженер Билый перенес 40 дней заключения в тюрьме, из которых 6 дней его держали в специально холодной камере и 22 дня — на голодном пайке, подвергаясь жестоким побоям во время допросов. После 40 дней заключения, он был препровожден на границу без предъявления ему какого либо обвинения.

«Несмотря на то, что г-н Билый и большая часть его последователей и единомышленников активно принимали участие в борьбе с большевиками с оружием в руках, и что он и теперь многие годы ведет непримиримую борьбу против коммунизма, русская эмигрантская печать приняла весть об аресте И. Билого и его истязаниях со злорадным удовлетворением и рассматривала все это, как свою победу.

«Этот факт, который, к несчастью, не единственный, заставляет поставить такой вопрос всем противобольшевистским группировкам: русская эмиграция в действительности антикоммунистическая или же она борется прежде всего и, главным образом, за восста-

новление империи, даже сознавая, что этим помогает врагу и льет много воды на большевицкую мельницу?»

В женевской националистической газете «Л'Аксон Националь», в номере 250, от 23 апреля, напечатана большая статья редактора газеты **Поля Бонни**, под заголовком «Антибольшевизм и русская эмиграция»:

«Отвратительное убийство в Софии, стоившее жизни Тамаре Солоневич и молодому сотруднику газеты «Голос России», глубоко взволновало общественное мнение в антибольшевистских кругах всего мира. Редакция русского печатного органа в Софии получает со всех концов мира выражения участия.

«Однако, одного из сочувствий не достает.

«В последнем номере «Голоса России», на первой странице, в траурной рамке, помещено следующее заявление:

«На этом месте должны были бы быть напечатаны по крайней мере несколько слов участия по адресу двух новых жертв первой советской партии: молодой русской женщины и русского юноши. Мы ждали этих слов. Мы имели право их слышать: оба погибших были монархистами и оба пали за Россию».

«Эти слова участия не были произнесены. Династия обязана была выразить эти чувства. Она этого не сделала».

«Бюросельский журнал «Цивилизация и большевизм», редактором которого является г. Борис Вартапов, воспроизводит эти строки и обращает внимание на то, что они содержат намек на существование «второй советской партии», как именуется себя официально большевицкая группа, протезируемая великим князем Кириллом, объявившим себя главой Дома Романовых, Партия эта более известна под названием «младороссов».

«Это, как будто, незначительное на первый взгляд, обстоятельство доказывает, как резко разделена русская эмиграция. Она насыщена советскими тайными агентами, которые, пользуясь материальными лишениями и деморализацией эмиграции после двадцатилетнего ее изгнания, легко находят себе сотрудников-агентов в ее среде и даже среди руководителей русских эмигрантских организаций. Еще свежо воспоминание о похищении ген. Миллера, удавшемся, благодаря лишь предательству ген. Скоблина и его помощников, которых не удалось открыть.

«Заметка «Голоса России», воспроизведенная журналом «Цивилизация и большевизм», показывает, до какой степени советские эмиссары сумели разложить известные круги русской эмиграции.

«Там, где подкуп деньгами не удавался, московскими агентами были пущены в ход «патриотические» аргументы, утверждавшие, что только Советская власть способна в настоящий момент обеспечить единство Великой России, и что Сталин продолжает, в сущности, лишь под другой этикеткой, империалистическую политику царей. Эта теза блестяще представлена в знаменитой театральном пьесе «Товарищ» Жака Деваля.

«Однако, чем дальше, тем виднее, что Россия не может только своими собственными силами свергнуть тиранию советов. Обесиленный от голода, скованный преданной режиму полицией, совершенно безоружный народ не в состоянии встать. И только в областях, где живо еще особое антимосковское национальное чувство, существовавшее еще до большевистской революции, периодически вспыхивают восстания против представителей центральной советской власти.

Лишь на Украине, на Кубани и на Кавказе народы реагировали за эти семнадцать лет против Москвы.

Падение советской власти не может произойти иначе, как в связи с внешними международными событиями, если только не верить в чудо. Но государства, могущие вызвать эти внешние события, никогда не согласятся оказать помощь в деле реставрации ни той России, которая существовала географически до войны, ни той, которая существует географически сегодня....

«Когда белые армии боролись еще в России против Советов, они выиграли бы войну и разбили бы рождавшийся тогда большевизм, если бы они ни обратились против Украинцев и против Казаков, порвавших с Москвой.

«Те, кто в русской эмиграции руководствуются примером Деникина и идут против антибольшевиков, украинцев или грузин, бессознательно, но твердо укрепляют советский режим. Во всяком случае, они помогают существованию этого режима.

«В Белграде произошло событие, которое указывает на то, что неудавшаяся борьба белых армий против коммунистов, с одной стороны, и против националистов-сепаратистов, с другой, не послужила уроком для некоторых слоев русской эмиграции.

«Известно, что в Югославии нашли себе приют многие из тех, кого революция изгнала из царской империи. Эти эмигранты очень хорошо организованы и живут и работают в предвидении возвращения на родину, освобожденную от красных тиранов.

«Не так давно в югославской столице был арестован **Игнат Билый**, Атаман Казаков Националистов, приехавший инспектировать свои организации и поддер-

жать их дух и волю к борьбе против коммунизма. По заключении в тюрьму, г. Билый был предоставлен в распоряжение некоего Губарева, бывшего офицера армии Деникина, натурализовавшегося в Югославии. Губарев встретил г. Билого следующими словами: «Попался! Деникину не удалось вас всех перевешать, так мы вас здесь прикончим!» Бывший белый офицер намекал на казнь через повешение священника Кулабухова, одного из вождей кубанских казаков. Казнь эта, совершенная по приказу Деникина, была причиной поражения казачьих армий, и, следовательно, была выгодной Советам.

«После сорока дней тюремного заточения (в холодном помещении), из которых 22 дня без пищи, подвергнутый допросам и издевательствам, Атаман, как сообщает журнал «ВК» от 10 апреля, был отправлен на границу, т. е. его мучители не смогли предъявить ему ни одного законного обвинения.

«Арест и издевательство над г. Билым, борющимся беспощадно против большевиков, еще там и продолжающего это дело в эмиграции, указывают на то, какое замешательство и помрачение умов царят в известной среде русской эмиграции. Случившееся с г. Билым вызвало большое удовлетворение в русской эмигрантской среде, а пресса, претендующая на звание «анти-коммунистической», кричала о победе.

«Это обстоятельство чрезвычайно показательно. «Идея реставрации России, той национальной России в границах 1914 года, в которой народы, жаждущие независимости, были бы управляемы из Москвы, представляется совершенной химерой.

Впрочем, советы коварно используются этой химерой, чтобы разделить эмиграцию и мировое антисоветское общественное мнение».

Кто такой Вонсяцкий?

НОВОЕ «УВЛЕЧЕНИЕ» СОЛАМАХИНА И К-О

Читатели «ВК» имеют уже некоторое представление о связи именуемого себя «Кубанским представительством» с делом о февральских арестах в Белграде. Как теперь выясняется, дело это задумано было широко. Имелось в виду не только ликвидировать Билого и кончить с ВК движением в Ю., но, одновременно, усилить работу вообще по борьбе с самостийниками во славу... А во славу кого, об этом узнаем несколько ниже.

Одновременно с арестами, начал выходить снова «Кавказский Казак», сияющий снова бормотать о «всей бесповненности самостийников, старающихся доказать, что казаки не русские люди»... И потому сам «КК» проповедует казакам: «**Отвращайтесь самостийников**», следуйте за «Войсковыми Атаманами» и тогда наверняка останетесь в «лоне», ибо казачьи интересы «не в проповеди сепаратизма и отталкивания от русского народа, но в нашей (т. е. их. Ред.) преданности матери России»...

Что же это за «русский народ», с которым и к которому «тянут» казаков Науменки-Соламахины?

В апрельском номере «КК» (на стр. 25-26) напечатан отчет о пребывании в Шабаци «вождя Всероссийской национал-революционной фашистской партии А. А. Вонсяцкого», остановившегося на три дня в Югославии проездом из Палестины(!). Возил его в Шабач ген. А. Г. Шкуро. Не обошлось, конечно, без принятия в почетные казаки и «подарков»...

В выходящем в Белграде «Царском Вестнике», в номере 599 (от 3 апреля с. г.) «событию» этому посвящено гораздо более и места и внимания. Там тоже призывают: «Храните верность России, **искорените самостийничество**»...

У нас есть некоторые данные о том, что именуемый ныне себя генералом **М. К. Соламахин** еще в 1935 году вел переговоры с Вонсяцким и его представителем в Югославии о «переключении» кубанских казаков на рельсы «Всероссийской национал-революционной партии». Возглавить же новых членов партии Вонсяцкого в Югославии предназначалось именно ген. Шкуро.

Кто же такой г. Вонсяцкий?

В издающейся в Белграде же русской газете «Русский Голос», в номере 370 от 8-го мая с. г., под заглавием «О «вожде» Вонсяцком», напечатана следующая справка:

«В связи с пребыванием в конце марта с. г. в Белграде и Шабаци г. **Вонсяцкого** и «восторженным» изобранием его «почетным казаком» Шабачкой кубанской казачьей станицы, атаманом коей состоит «именитый купец г. Шабаци» есаул **Иконников**, нами получена присланная из Америки весьма интересная информация, характеризующая политическое лицо и деятельность этого «вождей» Всероссийской национал-революционной партии».

The Supreme Council
es
The Grande Anti-Masonic Order
of Fasism
№ 16
23 Mart 1938.

(Перевод с английского)

1. Деятельность ВНРП выражается в борьбе с наиболее крупными русскими национальными организациями и прессой, с целью их разложения.

Борьба против РОВС'а, Атамана Семенова, возглавляющего все русские национальные организации Дальнего Востока, Русского фашистского Союза и других; против русских национальных газет, как-то: «Россия» и ее редактора Ген. Шт. полк. Н. П. Рыбакова и газеты «Наш Путь». В этом отношении цель деятельности ВНРП совпадает с деятельностью ИНО. ГПУ.

2. В начале 1937 года, весной, **Вонсяцкий** ездил в Мексику для переговоров с Троцким, якобы для получения информации от Троцкого о положении советской власти и их тайной работы за границей.

Перед этой поездкой Вонсяцкий дал сенсационное интервью американским журналистам, напечатанное на английском языке в американских газетах, о Троцком, называя его 100% **честным и идейным социали-**

стом. См. «Putnam Patriot» от 18-11-1937 года № 7 и «Sunday Herald» от 21-11-1937 г.

3. Летом 1937 года Вонсяцкий, в данном им интервью, называет Троцкого своим союзником в борьбе против большевиков. См. «Daily Worker» от 16-УП-1937 года за № 169.

Генеральный секретарь ВНРП Донат Иосифович Кунле — еврей, о чем сообщается ими же в № 34 «Фашиста». Отсюда и иудофильская политика ВНРП.

4. По сведениям одной чешской газеты, поместившей статью о деятельности Вонсяцкого, видно, что его снабжает финансовыми средствами Морган, американ-

ский мульти-миллионер. Вонсяцкий не является в своей деятельности вполне независимым, а должен выполнять поставленные ему темными силами задания.

ВЫВОД: Деятельность весьма сомнительная в национальном отношении.

— На этом мы ставим пока точку. Вонсяцкий нас не интересует, а о Науменко-Соламахиных будем говорить в свое время. Подчеркиваем только, что в приведенной выше справке вещи называются своими именами, указываются источники и документы. Это не анонимка, какими орудует «Кубанское представительство» для борьбы с вольными казаками.

Ответ полк. Попову

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ).

Прошло уже много лет моей жизни и никогда еще мне в голову не приходила мысль, что защищать свой родной полк, охранять свою святыню, так много принесшую жертв во имя славы казачьей, защищать создателя славного Георгиевского Гундоровского полка — преступно и даже позорно. Но, нашлись такие люди, повидимому — с вывороченными мозгами или же с ветром в голове, которые с какой то непонятной злобой утверждают, что защита своего командира есть демагогия.

К стыду нашему казачьему, это утверждают казаки и даже не советские казаки подневольники, а на свободе живущие в Берлине.

Еще 4-го декабря прошлого года они подписали о том приговор № 20, но только на днях какой то благодетель прислал мне журнал «Кавказский казак», в котором напечатан этот «документ» за подписью полк. **Попова** и «за станичного писаря» **В. Келия**. Отсутствовал ли по болезни сам станичный писарь или разумно уклонился от таких «подвигов» — неизвестно, а также покрыто тайной и число подписавших приговор.

Лично я в своей статье «Сполох Гундоровцев», напечатанной в № 226-227 журнала «ВК», абсолютно не касался ни берлинцев, ни парижан, ни софийцев, ни других, а обрушился только на гасителей казачьего духа г. г. **Абрамова** и **Граббе**. Они оскорбили мой родной полк, в рядах которого так много легло на родном Дону моих братьев казаков, да и сам я обильно поплотился там кровью.

Я не буду входить в препирательства с г. Поповым, в надежде на то, что у него, кроме полковничьих погон и русского мусора в голове, осталась хоть частичка казачьей совести, которая заставит его теперь, по прошествии 5-ти месяцев, еще раз прочитать свой приговор. Я думаю, что ему будет просто стыдно уже по одному тому, что сама жизнь выбрасывает тех, за которых так ратовал Попов.

О графе **Граббе** я сейчас не пишу, так как он, повидимому, понял свою ошибку, втянувшись в антигундоровскую коалицию г. **Абрамова**.

К тому, что мной написано в статье «Сполох Гундоровцев», я еще добавлю следующее: когда Донской корпус расположился на бывших позициях турок у Чатаджи, где казаки стали умирать от холеры и гнить во вшах и грязи, ген. **Абрамов** собрал начальников и, вместо утешения, заявил приблизительно следующее: «Господа, борьба с советской властью кончилась не в нашу пользу; о причинах не будем говорить. За нами пришли казаки — в надежде на продолжение борьбы. Поддерживать эту надежду мы не можем, а поэтому нам надлежит принять все меры к тому, чтобы всех рядовых казаков отправить на Дон. Им нечего там страшиться, а г. г. офицеры, конечно, останутся за границей, если того пожелают»...

Эта беспринципность командира корпуса в той и без того гнетущей обстановке форменно потрясла собравшихся. Возмутились этим генералы **Гусельщиков** и **Калинин**. Первый уже «на том свете», второй, слава Богу, жив и здоров...

В декабре пр. г. Вы горячо приветствовали г. **Абрамова** за отчисление ген. **Коноводова**. Будете ли Вы его приветствовать теперь горячо или холодно за то, что он бежал с поста «главнокомандующего той рус-

ской армии», с которой Вы собирались так недавно воскрешать Россию и казачество?

Благодаря вот таким «вождям» мы и проиграли там, на Дону, а чтобы не проиграть в будущем, то их надо сдавать впредь или в обоз 2-го разряда (если они не будут вредны), или передавать (без расписки даже) русским «по принадлежности»...

Попов ставит мне в упрек, что я забыл присягу государю. Повидимому, он еще до сих пор находится в объятиях сна. Ведь, прошло уже с тех пор 20 жутких лет. Моральными убийцами императора были как раз все те обласканные им генералы, которые вели нас на убой против немцев, а затем они же повели русских большевиков против Казачества.

Убийство императора произошло, во всяком случае, не по моей вине. И присягу свою ему я выполнил. Когда его не стало, я присягнул Дону и до смерти буду ему верен. Если эту присягу снимает с Вас «авторитетнейший» казак **Краснов**, заявивший в газете «Голос России» № 95, что Донская конституция есть вздор, то тогда Вы действительно «непобедимые» убеждать от борьбы за честь казачью, уклоняться от присяги, игнорировать долг, превращаться в перекотиполе и приветствовать на европейских переулках всяких позеров, трусов и предателей казачества.

Если я упомянул в своей статье слова **Каледина** и **Назарова**, учеником которых был **Коноводов**, то вовсе не для того, чтобы тревожить их, а указать на то, если они действительно не учили **Коноводова** изменять императорской России, но против иной России они выступили сами и войну против большевиков великоросов начал **Каледин**.

А яркий **Назаров**, когда в Краснокутской роше командовал собственным расстрелом, производимым матросней и солдатчиной, зычно произнес: «сволочь, пли!»

В этом и смысл завещания нам, донцам, наших **Атаманов**, что жить по-братски с великороссами Казачество не может, ибо эта нация, всегда претендующая на возглавление русской империи, на протяжении всей своей истории вносила в жизнь страшный хаос. Теперь она штурмует небеса, калечит души других народов, прививает им мерзкие черты шпионажа, доноса, предательства, убийства из-за угла, и все те казаки, которые тянутся за «матушкой», невольно заражаются этим преступным миропониманием. Так и Вы, ни с того ни с сего, разжаловали меня и влхиваете в фуль, а в воду то бросить, повидимому, не хватает сил, потому что жаловали то меня не Вы, а **Гундоровы**, а Вы то их и не спросили, пойдут ли они с Вами на преступление. А, видимо, Попову хочется пойти — уже по одному тому, что он в лице своего нового отчима ген. **Науменко** обретает не только редактора, чтобы печатать свои знаменитые приговоры, но найдет, очевидно, и опыт у этого злощастного «слеца» по убийству не только народных избранников на родной Кубани, но и предательству казаков за границей. Уж раз Попов и Науменко обретаются теперь в «братском» союзе, то Попову надлежит ознакомиться с процедурой Белградских арестов казаков. Не за эту ли блестящую «операцию» **Соламахин** был произведен в генералы?

Подумайте хорошенько, г. Попов, об этом и, на всякий случай, приготовьте побольше кулей для ка-

заков националистов, авось и у Вас блеснут на плечах зигзаги.

А, впрочем, не будем спорить. Постепенно нужно отрешаться от всякой скверны. Прошли уж мы большой и страдный путь. Много было грехов и ошибок. В них то открыто и нужно каяться. Нас ждут родные казачьи поля, нас ждут плачущие казачьи дети, которых растлевают там русские оккупанты. Мы не будем повторять команды Атамана Назарова: — «Сволочь, пли!», а мы должны громко крикнуть: **Насильники, вон!**...

На этом я хотел бы поставить точку, но задержу еще внимание берлинцев просьбой спросить ген. Краснова: впряжется ли он в казачью колесницу, которую везет сейчас Походный Атаман инж. Билый? Пойдет ли он за ним, как он пишет в «Голосе России» № 95 и приглашает идти за казачьими Муссолини?...

А также спросите, на какие такие «чужие враждебные России деньги» он формировал молодую Донскую Армию?

Полковник Шевырев.

Ответ Балинову

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ).

Станичник редактор!

Прошу поместить на страницах родного журнала нижеследующее:

Принципиально будучи противником «писем в редакцию», а также и «игры в ящики», хотя бы они были и почтовыми, все-же отступаю от правила и отвечаю злему, ехидному, с чернильной душой Балинову.

Г. Балинов!

Некий ловкий Лапкин или, как пишет Ваш капризный адвокат Шиханов, Латкин, — в действительности: подесаул ВВД, ст. Усть-Медведицкой.

Так как кровь бабушек на Дону не играет роли, о крови, текущей в моих жилах, говорить не будем. Но кое о чем другом не будем молчать.

Прав Шиханов. Меня можно назвать и «Латкин», т. к. латок на моем теле, полученных мною при защите чести Дона и Казачества, думаю, больше чем у Вас, г. Балинов, чести, такта, выдержки, элементарного понимания о человеческих взаимоотношениях и желания работать для Казачества бескорыстно.

О Вашем «адвокате» не приходится и говорить, т. к. он сам подчеркнул, что он не вольный казак, а ищет на страницах «ВК» к чему бы лишь придаться за «весь калмыцкий народ»...

Помните: как Вы, так и я — натурализованные казаки. Разница между нами та, что Вы воспитывались и желаете воспитывать будущее калмыцкое поколение в калмыцкой среде. Я же, как мой отец и дед, воспитывались в среде казачьей, в лоне хуторов и станиц... Вы «калились» там за писарским столом, трусливо прячась за бумагами, а я водил казаков и казачьих детей в бой за казачий идеал.

Законы не пишутся только дуракам, г. Балинов. На основании же казачьих законов, мы с вами казаки. А раз так, то Казачество для нас должно быть выше всего, а не так, как Вы, обидевшись, писали: Калмыкия, де, по пространству очень большая... ее признают и большевики... Это что-то вроде того, что: «если обижусь, то — и без Казачества можно»...

Двухнациональным быть нельзя, двум богам молиться тоже нельзя, два арбуза под одной мышкой тоже носить нельзя — один всегда упадет.

Лично я — казак. Приписной-ли, какой-ли другой, но я этим горжусь. Я работал, работаю и буду работать только за Казачью Волю.

Я звал и зову казаков к объединению, а Вы, как бешеная собака, кусаете всех, кто не с Вами, а особенно тех, кто около Билого — символа объединения самой большой группы вольных казаков.

Кого Вы не кусали до сих пор? —

Глазков, Федоров, Кудинов, Крюков, Куртин, Букин, Настоящев, Маргушин, Штовхань, Лапкин.... Одна только кампания против Билого чего стоит! Вы щадите только одну компанию Вашего «идейного попутчика» Балькова....

Теперь скажите, на кого я напал, кроме Вас и Балькова?

А ведь Вы, в своей лютой ненависти и слепоте, позволили себе нападать даже на мертвых, подметка которых Вы не стоите.

Подумали ли Вы, говоря о «мужиках», о светлой памяти Мамонтова, Фицхеларова, Курочкина и сот-

нях других героев, отдавших жизнь на казачьей земле и за казачью землю? Подумали ли Вы о тех, кто, не будучи, как Вы и я, натурализованными, служат ВК и отдавали за Казачество жизнь?...

Большую «дипломатическую» свинью Вы подкладываете казакам. Только хамы могут так цинично издеваться над лицами, отдавшими Казачеству и силы и жизнь. Все это Вы делаете ради удовольствия «уколоть» людей, Вам не симпатизирующих.

Бросьте «лягать» своим копытом все и вся. Если ст. Настоящев боится только за Ваше копыто, то подумайте о своей голове. Или Вас хранят длинные уши?

Прав г. Шиханов — Вы в свое время всего лишь «захромали» на ВК движение.

В своей злобе Вы торохтите, как «пустая бочка», пущенная «умелыми руками». Производимым-же гулом и «наплевательным настроением» — помогаете врагам. Неудивительно, что наши руководители подвергаются различным издевательствам и насмешкам врагов. Причина — такие, как Вы. Вы «в точности» исполняете задание Ваших «друзей»....

С «ВД» Вы в ссоре; с Федоровым и Глазковым — «на ножам», с Билым и его «столпами» пребываете в «лютой ненависти»...

Бросьте сожалеть об аресте Билого. После всего писанного Вами о нем, — Вашей искренности никто не поверит.

Теперь немного о «задних лапках»....

Кому Вы служили бескорыстно? «Билый — платил. «Казак» — давала «возможности». Теперь «возможности» «распухли»... Если-бы я не был связан словом, я бы Вам написал еще кое что... Но, независимо от всего, я все-же в будущем приоткрою завесу над Вашей «бескорыстной работой» и действительным Вашим стоянием на задних лапках в счет настоящих и будущих благ.

Пока работайте, «содрав» у ст. Крюкова планы Донской государственности, может быть, эта работа Вас до некоторой степени реабилитирует, но помните: сделанного не веротишь. Это Вы вызвали вновь к жизни Харламова — столпа казачьего единодушия.

Это Вы стоите на задних лапках и подлизываетесь, я — никак.

В материальной обстановке, в которой я нахожусь, и в среде, где я живу, Вы, вероятно-бы, задохнулись бы давно... Но, Вы, «перезжая сваха», «не верящая» в то, что делают другие, и ведущая «свою», но не казачью политику.

Ни разу не скомпрометировавши себя в службе Казачеству, имея живых свидетелей моей Ему службе, я Вам отвечаю: никогда, ни перед кем я на задних лапках не стоял и не перед кем не выслуживался. Пишу с гордостью: в русско-казачью войну я два раза отказался от представления в следующие чины.

1. Был помощником начальника партизанского отряда «Белого Орла» — в составе отдельного Донского конного дивизиона под командою черниговского гусара, полк. А. Корнилова (находившегося несколько лет назад в Париже). Тогда моя тоска по убитом начальнике отряда С. Агееву была сильнее желания «похворситься», как «форсите» Вы.

2. Будучи начальником Усть-Медведицкого партизанского отряда, под общей командой войск старш. Хрипунова,

Каждый казачий патриот должен подписаться на ж. „ВК“

при ад'ютанте сотнике **Короткове**, я водил казачьих детей в бой защищать родную станицу. Тогда тоска по незабудкам казачьей родной земли была еще сильнее желания награда.

Мог бы я «стоять на задних лапках» и выслужиться и при войск. стар. **Ф. К. Миронове**, который настоятельно звал меня в свои ад'ютанты и с одним из членов семьи которого я был связан личными чувствами. Однако, я этого не сделал. Украв в партизанском отряде красных (первая «ласточка», квартировавшая в ст. У.-Медведицкой) коня, я ускакал на хут. Перелаз к б. есаулу, а теперь ген. **Сутулову**, а после с Алексеевским парт. отрядом брал родную станицу.

Благодаря такому моему бегству, погиб мой двоюродный брат — сотник ВВД Вячеслав **Лапкин**, попавший в плен к Миронову.

Да и здесь, г. Балинов, если бы я пошел по Вашему пути, я бы нашел перед кем «выслужиться», но, не-

смотря на то, что те люди дороги были моему сердцу и оставили неизгладимые следы в моей душе, я **иду по дороге моих убеждений**. Я служу Казачеству, а не личностям. Быть «семидергою», перескакивать «тудю» и «судюю» — не в моем характере.

Если Вы «носите» тем, что Вы «старый вольный казак», (что в действительности неправда), то разрешите Вам заметить, что есаул **Фролов**, а впоследствии полковник и сподвижник И. А. Билого, — сослуживец светлой памяти **Ф. Назарова**, ходившего десантом на Дон, чтобы поднять Казачество на службу только Ему. Ваш покорный слуга был не только приятелем Назарова, но был и в его отряде, будучи безруким.

Пусть это мое «письмо в редакцию» будет томом 1-м и последним. Предпочитаю говорить с Вами при встрече...

Всегда к Вашим услугам: **Н. Лапкин**.
3-IV-1938. Болгария.

Думы и мысли

НЕБОЛЬШОЙ ОТВЕТ СОЛАМАХИНУ.

Глубокоуважаемый Игнат Архипович!

Не откажите на страницах нашего журнала поместить мое письмо г. Соламахину!

Прошло около четырех лет, как я перестал получать журнал «Кавказский Казак». Но вот почтаион принес два номера — 141 и 142. Прочел я их до последнего слова и думаю: «Ну и крепкая же память у нашего Начальника Походного Штаба, что он все же помнит про сотника Я. Б., которому он же отказал восстановить старшинство в офицерских чинах, на основании перевязочных свидетельств (а их было представлено семь). Теперь, вот, когда надвигается гроза, вспомнил, что в Кубанском Войске ездил такой то сотник, которого казаки многие знают...»

Нет, Михаил Карпович, что Вы посеяли, то и будете жать. Вы пишете, что «слава Богу, Вам удалось Кубанские регалии передать в крепкие руки» (москвичей, как мне кажется. Оттуда уже им не будет возврата ни вольным казакам, ни Вам). Этого давно русские и добивались, а Вы им всей душой помогали, да еще и пишете: «слава Богу!»

Разрешите спросить: у Вашего бога не два рога ли и кудый хвост, которого мы называем лукавый?

Вы мечете гром и молнию по адресу ген. Кокунько и даже хватило у Вас смелости посмеяться над стариком, что, мол, храбрый он воин, никогда не снимает с себя оружие, а кроме блох, не бил ничего...

Но зато Вы лихой герой. Это видно из Вашего рассказа в одном журнале, как на турецком фронте Вам

удалось после двухчасового боя победить старого курда и... вымазаться кровью своей кобылы, дабы быть хоть немного похожим на рыцаря, приехавшего с поля боя...

Вы пишете: «Зачем царские грамоты нужны вольным казакам, раз они, мол, ругают русских лапотников, а царя не признают»...

Я не знаю, добивались ли вольные казаки тех регалий, но мне кажется, что они нужны всему Казачеству, т. к. это наше казачье, а не ваше, г.г. Соламахин и Науменко.

Господин полковник! Разрешите Вас спросить: изнашили ли Вы те сапоги, в которых бегали за колесницей Вольного Казачества? А теперь Вы называете Игната Билого «загадочной личностью» и прикрываетесь псевдонимом (Анти Матегало).

Прочтя Ваш журнал, вижу, как мало у Вас сотрудников. Кроме неизвестной Волковой, никого. Журнал Ваш пестрит одними приказами, от которых только смешно.

Вы подписываетесь: «Кубанское представительство!» Разрешите спросить: из кого оно состоит? начальник походного штаба, причисленный к ген. штабу полк. Соламахин; секретарь канцелярии полк. Соламахин; писарь — Мих. Соламахин; издатель журнала — Соламахин, итого один в четырех лицах.... Перешеголял самого Бога... Тот и то — в трех лицах.

Не дай нам, Бог, другого такого и не введи нас во искушение.

Я. Л. Безгласный.

Казачья эмиграция

ВК в Польше

В ТУРУНЕ.

24 апреля с. г., в день Святой Пасхи, после всеобщей и заутрени, собрались вольные казаки и два украинца — партизаны полк. М. Ф. Фролова — в помещении, которое было приготовлено стараниями станичного правления ВК станицы — организации казаков эмигрантов имени атамана Ермака в Туруне.

Станичный атаман хор. **П. Наумов** поздравил собравшихся с праздником Пасхи. Потом казаки разговорились.

Затем был открыт станичный сбор, на котором помощник станичного атамана **М. Пастухов** еще раз объяснил станичникам цель организации ВК.

Выслушав говорившего, казаки единогласно постановили: **выразить протест против беспричинного ареста Походного Атамана ВК И. А. Билого в Югославии...**

Собрание было закончено пением Донского гимна и возгласами Слава Казачеству! Слава Походному Атаману ВК! Слава окружающему атаману!

После официальной части, полилась звонкая, родная, степная казачья песня...

(Соб. кор.).

ВК в Югославии

В ПАНЧЕВО.

На первый день Христова Воскресения, после богослужения, вольные казаки осыятили пасху и пошли дружной семьей на квартиру ст. **В. И. Енина** разговариваться.

В уютной квартире заняли места за столом. Помощник атамана **И. П. Чернов** попросил пропеть пасхальный тропарь — Христос Воскресе.

— Дорогие станичники, — сказал затем он, — поздравляю вас с светлым праздником Христова Воскресения, а также нашего батьку Атамана, всех окружающих атаманов и всех вольных казаков. Первую чарку прошу выпить за многая лета нашего Походного Атамана....

— Слава!... отвечали казаки.

Затем все разговелись, обменивались мнениями и взглядами на ситуацию настоящего момента. И как то радостно стало на душе, что казаки осознали себя казаками.

Братья казаки, держите крепче знамя ВК! Не обращайте внимания на клевету и провокацию.

Воскреснет Казачество и расточатся враги его.

(Соб. кор.).

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	50 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.